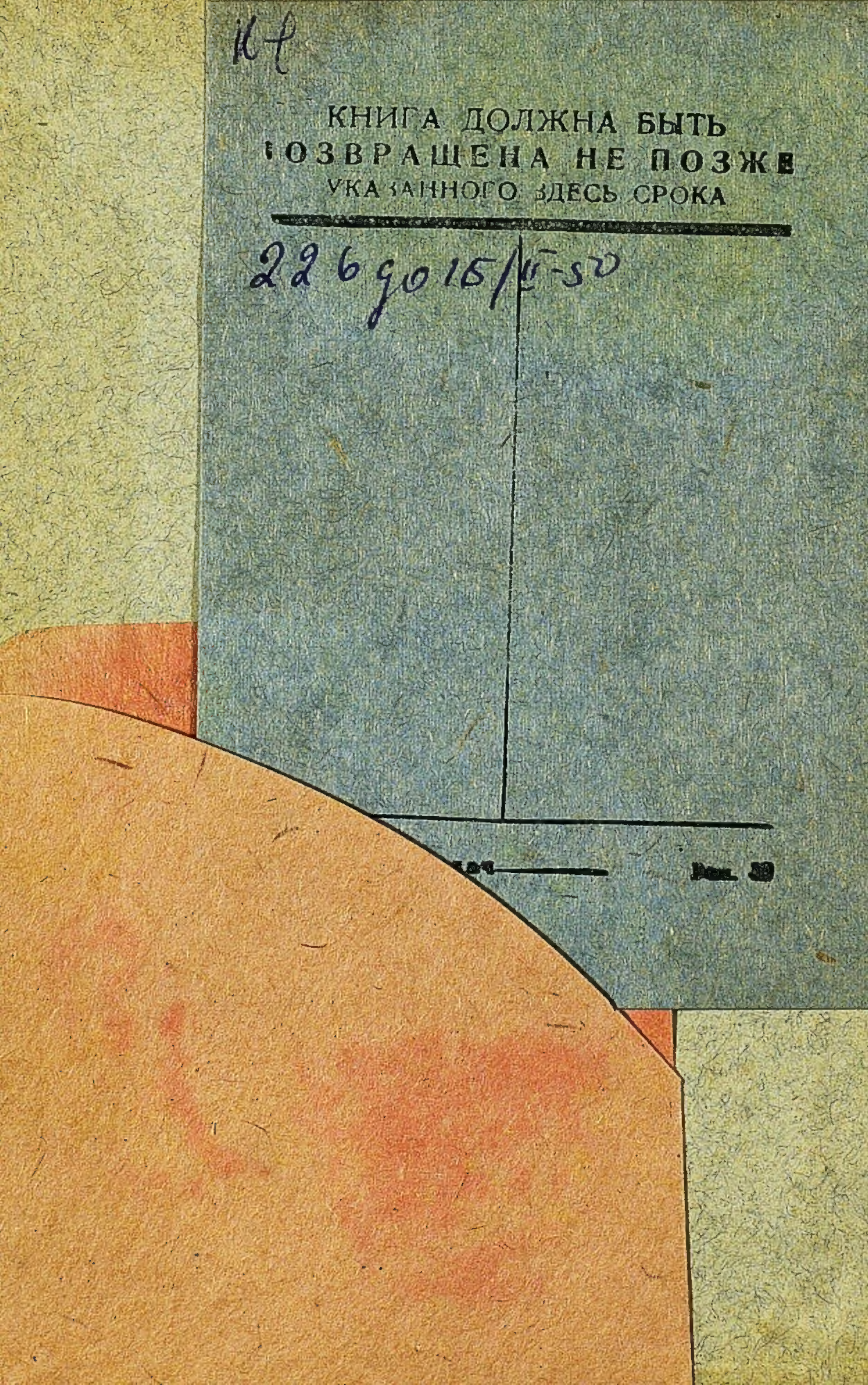

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА
226 до 15/II-50

С. М. Соловьевъ.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

С. М. СОЛОВЬЕВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

П. В. Безобразова.

Съ портретомъ С. Соловьева, гравированнымъ въ Петербургѣ К. Адтомъ.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Е. Евдокимова, Троицкая ул., № 18
1894.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 іюня 1894 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ стр.

Дѣтство.—Ученіе.—Студенческіе годы 5

ГЛАВА ВТОРАЯ

Заграничное путешествіе.—Магистерскій экзаменъ.—Диссертаціи на степени магистра и доктора исторіи 16

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ» 46

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Сочиненія по философіи исторіи 61

ГЛАВА ПЯТАЯ

Образъ мыслей.—Образъ жизни.—Характеръ С. М. Соловьева. . . 72

I.

Дѣтство.—Ученіе.—Студенческіе годы.

5-го мая 1820 года, въ одиннадцать часовъ вечера, наканунѣ Вознесенія, въ тѣсной, плохо меблированной квартирѣ священника Московскаго коммерческаго училища, Михаила Васильевича Соловьева, родился сынъ Сергѣй, недоношенный, а потому слабый, хворый, цѣлую недѣлю не открывавшій глазъ и не кричавшій.

Изъ первыхъ лѣтъ жизни Сергѣй Михайловичъ впослѣдствіи съ особенной любовью вспоминалъ о своей нянькѣ Марьѣ и даже приписывалъ ей большое вліяніе на образованіе своего характера. Это была небольшая худощавая старушка съ очень пріятнымъ выразительнымъ лицомъ, съ добродушно-насмѣшливой улыбкой, очень набожная и притомъ всегда веселая, несмотря на множество злоключеній, постигшихъ ее въ жизни. Дѣвочкой ее разлучили съ матерью, продали какому то купцу, жившему въ Астраханской губерніи, потомъ ее отпустили на волю, и она поступила въ услуженіе въ Москву. Нянька Марья успѣла побывать три раза въ Соловецкомъ монастырѣ и столько же разъ въ Кіевѣ.

«Разсказы объ этихъ путешествіяхъ,—говорилъ Сергѣй Михайловичъ,—составляли для меня высочайшее наслажденіе; если я и родился со склонностью къ занятіямъ историческимъ и географическимъ, то постоянные разсказы старой няни о своихъ хожденіяхъ, о любопытныхъ дальнихъ мѣстахъ, о любопытныхъ приключеніяхъ не могли не развить врожденной въ ребенкѣ склонности! Какъ теперь я помню эти вечера въ нашей тѣсной дѣтской: около большого стола садился я на своемъ дѣтскомъ стуликѣ, двѣ сестры, которыя обѣ были старше меня, одна тремя, а другая шестью годами, старая бабушка съ чулкомъ въ рукахъ и нянька-разсказчица».

Разсказы старушки, умѣвшей и въ незабавныхъ приключеніяхъ находить забавную сторону, всегда отличались добродушнымъ юморомъ и смѣшили ребенка; занимали его сообщенія о дальнихъ странахъ, о Волгѣ, рыбной ловлѣ, большихъ фруктовыхъ садахъ, о кал-

мыкахъ и киргизахъ, о похищеніи послѣдними русскихъ людей, объ ихъ страданіяхъ въ неволѣ и бѣгствѣ.

Своей нянѣ Соловьевъ приписывалъ и религіозно-нравственное вліяніе. Начнетъ она разсказывать о какомъ-нибудь страшномъ приключеніи, о бурѣ на морѣ, о встрѣчѣ съ подозрительными людьми, мальчикъ въ сильномъ волненіи спрашиваетъ ее: «и ты не испугалась, Марьюшка?» Отвѣтъ былъ всегда одинъ: «а Богъ-то, батюшка?» Впослѣдствіи въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни Сергѣй Михайловичъ нерѣдко вспоминалъ слова няни: «а Богъ-то?»

Сестеръ Сергѣя Михайловича, которыя были значительно старше его по возрасту, отдали въ пансіонъ, и мальчикъ росъ одинъ. Одиночество способствовало конечно раннему развитію и любви къ чтенію. Научившись грамотѣ, онъ съ жадностью набросился на книги и въ нихъ находилъ единственное развлеченіе. Читалъ онъ все безъ разбору и прежде всего романы, попадавшіеся ему подъ руку, Радклифа, Нарѣжнаго, Загоскина, Вальтеръ Скотта; такое чтеніе возбуждало преждевременно и безъ того пылкую фантазію мальчика и приносило ему гораздо больше вреда, чѣмъ пользы. Однако-же врожденная склонность сказалась уже въ раннемъ дѣтствѣ. Среди отцовскихъ книгъ попалась ему «Всеобщая исторія» Басалаева и стала его любимицей; онъ перечитывалъ ее много разъ и особенно прельщался римской исторіей, съ которой ему вскорѣ послѣ этого удалось познакомиться подробнѣе изъ сочиненія аббата Милота. Въ то же время мальчикъ увлекся Карамзинымъ и до 13-ти лѣтъ перечелъ его не менѣе двѣнадцати разъ; съ особенной любовью останавливался онъ на тѣхъ страницахъ, гдѣ повѣствовались славныя для Россіи событія, и поэтому отдавалъ предпочтеніе шестому тому (княженіе Іоанна III) и восьмому (первая половина царствованія Грознаго). Мальчикъ увлекался до того, что строилъ воздушные замки въ области исторіи. Онъ отъ души ненавидѣлъ Стефана Баторія за его побѣды надъ русскими и по цѣлымъ днямъ мечталъ: «а что если бы самъ царь Иванъ принялъ начальство надъ войскомъ и разбилъ Баторія, отнялъ у него Полоцкъ и Ливонію»; живо представлялось ему, съ какимъ торжествомъ царь въѣзжаетъ въ Москву и везетъ плѣннаго Баторія. Не менѣе историческихъ книгъ маленькій мечтатель увлекался путешествіями, читая «Исторію о странствіяхъ» и «Всемірнаго Путешествователя».

По обычаю духовенства, Михаилъ Васильевичъ Соловьевъ записалъ своего 8-ти лѣтняго сына Сергѣя въ духовное училище, съ правомъ учиться дома и являться только на экзамены. Онъ самъ училъ

мальчика Закону Божію и древнимъ языкамъ, а для обученія другимъ предметамъ посылалъ его въ Коммерческое училище, гдѣ въ тѣ времена преподаваніе не отличалось большимъ блескомъ. Отецъ не имѣлъ времени аккуратно заниматься съ сыномъ, а потому по большей части ограничивался тѣмъ, что приказывалъ выучить наизусть такія-то склоненія и спряженія изъ латинской грамматики, и только разъ или два въ нѣсколько недѣль успѣвалъ провѣрить познанія своего сына. Понятно, что мальчику, обладавшему пылкой фантазіей, было очень тяжело механически заучивать почти безъ всякаго руководства латинскія вокабулы въ то время, какъ онъ постоянно жилъ въ области мечты, вмѣстѣ съ Муціемъ Сцеволою клалъ руки на уголья или съ Колумбомъ открывалъ Америку. Мальчикъ каждый день держалъ передъ собой латинскую грамматику по нѣскольку часовъ, но обыкновенно вкладывалъ въ нее другую книгу, какой-нибудь романъ, и результатомъ было то, что, когда отецъ начиналъ спрашивать его, онъ отвѣчалъ плохо и совершенно неудовлетворительно сдавалъ экзамены въ духовномъ училищѣ. Поѣздки въ Петровскій монастырь, гдѣ помѣщалось духовное училище, Сергѣй Михайловичъ причислялъ къ самымъ бѣдственнымъ событіямъ въ своей отроческой жизни; неопрятный видъ учениковъ, грязные и грубые до звѣрства учителя возбуждали сильное отвращеніе въ мальчикѣ, привыкшемъ къ домашней жизни. Одинъ изъ учениковъ сдѣлалъ однажды какую то довольно невинную шалость; къ нему подскочилъ преподаватель, вырвалъ у него цѣлый клокъ волосъ и торжественно положилъ ихъ на столъ. Такія сцены естественно вселяли въ мальчикѣ страхъ къ духовному образованію, потому что онъ не мало слышалъ о грустбй семинарскихъ нравовъ и вообще не чувствовалъ ни малѣйшей склонности къ духовному званію. Подъ вліяніемъ матери, принадлежавшей къ свѣтскому сословію, а также подъ вліяніемъ неудовлетворительныхъ экзаменовъ М. В. Соловьевъ послѣ нѣкотораго колебанія рѣшился выписать сына Сергѣя изъ духовнаго званія.

Тринадцати лѣтъ поступилъ онъ въ третій классъ первой Московской гимназіи. Директоромъ былъ Окуловъ, добрый и милый человѣкъ, очень любезный въ обществѣ, славившійся своимъ искусствомъ разсказывать анекдоты, и въ то-же время извѣстный своимъ мотовствомъ; онъ держалъ много пансіонеровъ, и не занимался дѣлами, предоставляя ихъ инспектору Бѣлякову. Это былъ человѣкъ не глупый, распорядительный, но желчный и грубый, часто кричавшій на учениковъ и бранившійся.... Порядокъ въ младшихъ классахъ, гдѣ

было до ста человѣкъ, оставлялъ желать многаго; на передней лавкѣ ученики еще кое-что слушали, на среднихъ разговаривали, на заднихъ спали или играли въ карты. Дисциплина завелась только съ назначеніемъ попечителемъ Московскаго округа гр. Строганова на мѣсто кн. Голицына, когда инспекторомъ сдѣланъ былъ вмѣсто Бѣлякова учитель математики Погорѣльскій, человѣкъ ловкій, дѣятельный, самолюбивый, желавшій угодить попечителю, и потому слѣдившій за порядкомъ; онъ смѣнилъ учителей, нехотѣвшихъ ничего знать кромѣ учебника или имѣвшихъ голову не въ порядкѣ.

Соловьевъ учился хорошо по всѣмъ предметамъ, кромѣ математики, къ которой чувствовалъ природную антипатію, усиливавшуюся еще оттого, что въ третьемъ классѣ былъ учителемъ нѣкто Волковъ, большой педантъ и человѣкъ довольно грубый. Онъ напримѣръ обращался къ мальчику съ такимъ привѣтомъ: «Дуракъ ты, Соловьевъ! уравненія второй степени рѣшить не можешь! Жаль мнѣ твоего отца: отецъ твой хорошій человѣкъ, а ты—дуракъ!»

Однако лѣтомъ Соловьевъ поправился, отецъ взялъ ему учителя, и осенью онъ блистательно выдержалъ экзаменъ, такъ что перешелъ въ четвертый классъ первымъ ученикомъ по всѣмъ предметамъ. Первый, кто подмѣтилъ выдающіяся способности Соловьева, это былъ Поповъ, преподававшій русскій языкъ и словесность, начиная съ четвертаго класса. Онъ умѣлъ возбудить въ ученикахъ охоту къ занятіямъ, прекрасно разбиралъ классическія произведенія литературы и ученическія сочиненія и на этихъ разборахъ не только выучивалъ правильно писать, но и развивалъ таланты, у кого они были. На урокахъ логики и реторики Соловьевъ, заинтересованный предметомъ, не могъ удержаться, чтобы не высказывать вслухъ своихъ мыслей; Поповъ не сердился на такое неприличное поведеніе, и выходила бесѣда очень живая и поучительная. Сочиненія Соловьева своими достоинствами выдавались среди прочихъ ученическихъ работъ, хотя онъ часто уклонялся въ сторону, не исполняя заданной темы,—вмѣсто описанія памятника Минину и Пожарскому предавался историческимъ воспоминаніямъ и пренебрегалъ реторическими формами, считавшимися тогда обязательными. Поповъ журилъ его за отступленія отъ реторики, но тѣмъ не менѣе во время одной товарищеской бесѣды съ учителемъ Красильниковымъ увлекся до того, что сказалъ ему: «вѣдь Соловьевъ просто геній!» Красильниковъ возразилъ на это: «Полно, полно, Павелъ Михайловичъ! какъ это можетъ быть; положимъ, что Соловьевъ—мальчикъ умный, съ

большими способностями, но можетъ ли это быть, чтобы у насъ въ гимназіи завелся геній?» Хотя не всѣ относились къ Соловьеву съ такимъ восторгомъ, какъ Поповъ, но всѣ учителя признавали въ немъ большія способности и любили его за отличное ученіе и примѣрное поведеніе. Сергѣй Михайловичъ всегда съ удовольствіемъ вспоминалъ о времени, проведенномъ въ гимназіи; легко, весело ему было съ узломъ книгъ отправляться въ школу, зная, что тамъ встрѣтитъ его ласковый пріемъ; пріятно было ему чувствовать, что онъ имѣетъ значеніе; пріятно было, войдя въ классъ, направлять шаги къ первому мѣсту, остававшемуся всегда за нимъ.

Въ 1838 г. 18-ти лѣтъ Соловьевъ былъ выпущенъ изъ гимназіи первымъ ученикомъ съ обязанностью написать для акта разсужденіе на тему «О необходимости изученія древнихъ языковъ для успѣшнаго изученія языка отечественнаго», за которое получилъ серебряную медаль.

На лѣто Соловьевъ поселился въ качествѣ учителя въ деревнѣ кн. Михаила Николаевича Голицына, сына разорившагося аристократа, малообразованнаго и развратнаго помѣщика. Воспитаніемъ дѣтей занималась княгиня, отличавшаяся нестерпимымъ характеромъ, женщина, ограниченная, капризная, сварливая. Молодому Соловьеву поручили обученіе четырехъ дѣтей, и между прочимъ Дмитрія, мальчика до безобразія толстаго, вялаго физически и умственно, въ 13 лѣтъ съ трудомъ читавшаго по-русски. Въ домѣ Голицыныхъ не говорили иначе какъ по-французски, съ презрѣніемъ относились ко всему русскому, Соловьева называли Mr. le Russe, и юноша вынужденъ былъ доказывать, что онъ гордится этимъ названіемъ, что имя русскаго драгоцѣнно для него, что ему лестно быть единственнымъ русскимъ въ цѣломъ домѣ. Аристократическая семья произвела тяжкое впечатлѣніе на юношу, воспитаннаго въ совсѣмъ другой средѣ, и осенью онъ отказался жить въ домѣ Голицыныхъ; но это лѣто оставило нѣкоторый слѣдъ въ его жизни,—одна крайность вызываетъ другую, и Соловьевъ на время ударился въ славянофильство или, лучше сказать, руссофильство.

Осенью Соловьевъ поступилъ въ университетъ на I отдѣленіе философскаго факультета (теперешній историко-филологическій). Ректоромъ былъ въ то время М. Т. Каченовскій, извѣстный историкъ-скептикъ, человѣкъ очень честный и всѣми уважаемый. Читалъ онъ уже не русскую исторію, какъ прежде, а славянскія на-

рѣчія, и на этомъ поприщѣ, какъ по старости лѣтъ (ему было 64 года), такъ и по недостаточному знакомству съ предметомъ, не могъ оказать большой пользы студентамъ. Деканомъ факультета состоялъ И. И. Давыдовъ, ученый карьеристъ, смотрѣвшій на науку какъ на средство выслужиться, получать чины и ордена. Получивъ Станислава первой степени, онъ откровенно объявилъ, что высшіе ордена производятъ удивительное впечатлѣніе: онъ чувствуетъ себя нравственно лучше, выше съ тѣхъ поръ, какъ награжденъ звѣздой. Академикъ Никитенко говоритъ о Давыдовѣ въ своемъ дневникѣ: «Вотъ человѣкъ, который изъ своего ума, таланта и обширныхъ свѣдѣній сдѣлалъ себѣ орудіе мелкаго своекорыстія. Стоило для этого столько трудиться, чтобы въ заключеніе осквернить дары, предназначенные для лучшаго употребленія! Но такова безнравственность эпохи. Умъ и дарованіе не возвышаются до вѣры въ практическое добро. Какъ доказательство своей силы, они представляютъ одни итоги нахватанныхъ ими чиновъ, орденовъ и денегъ. Они не вѣруютъ ни въ какое другое право на уваженіе общества. Это они называютъ искусствомъ жить и презираютъ тѣхъ, которымъ недостаетъ охоты или умѣнья итти ихъ путемъ и употреблять свой умъ и силы на ловлю житейскихъ благъ. Но не въ правѣ ли они и въ самомъ дѣлѣ считать себя правыми?» Давыдовъ былъ несомнѣнно правъ, потому что съумѣлъ сдѣлать блестящую карьеру и, покинувъ университетъ, попалъ не только въ ординарные академики, но и въ предсѣдательствующіе русскимъ отдѣленіемъ Академіи Наукъ. О его пріѣздѣ въ Петербургъ въ 1842 г., когда Соловьевъ кончалъ университетскій курсъ, въ дневникѣ акедемика Никитенко имѣется слѣдующее любопытное извѣстіе: «Профессоръ Давыдовъ въ большой милости у Уварова (министра народнаго просвѣщенія). Онъ добился этого грубой лестью, которую министръ всегда принимаетъ съ простодушіемъ ребенка, чему нельзя не удивляться, ибо у него нельзя отнять ума, если не глубокаго, то во всемъ случаѣ смѣтливаго. Давыдовъ особенно завоевалъ его сердце статьей «О Порѣчьѣ», деревнѣ Уварова,—статьею, до того льстивой, что она насмѣшила всѣхъ въ Петербургѣ, гдѣ, нравы не такъ уже наивны, какъ въ Москвѣ. Уваровъ теперь принялъ здѣсь Давыдова съ распростертыми объятіями. Недавно онъ заставилъ его прочитать по одной лекціи въ Екатерининскомъ институтѣ и Смольномъ монастырѣ, объявивъ предварительно дѣвицамъ, что они услышатъ «русскаго Вильмена». Давыдовъ явился и не произвелъ ожидаемаго эффекта. Особенно не по вкусу пришелся онъ въ Смольномъ монастырѣ. Дѣлая тамъ обзоръ русской литера-

турѣ, онъ отказалъ въ поэтическомъ дарѣ Державину и вовсе не упомянулъ о Пушкинѣ, разумѣется, изъ желанія угодить Уварову, который никакъ не можетъ забыть «Лукулла». Въ заключеніе Давыдовъ сказалъ, что всему въ Россіи даетъ жизнь и направленіе министерство народнаго просвѣщенія. И все это въ присутствіи Уварова, который не покраснѣлъ и тогда даже, когда Давыдовъ торжественно объявилъ, что если онъ (Давыдовъ) сказалъ что-нибудь хорошее, то обязанъ этимъ не себѣ, а присутствію его высокопревосходительства: самъ онъ (Давыдовъ) только «Мемнонова статуя, возбуждаемая лучезарнымъ солнцемъ».

Пресмыкаясь передъ сильными, онъ требовалъ, чтобы и передъ нимъ пресмыкались ниже его поставленные; людей дрянныхъ, раболѣпствовавшихъ онъ возвышалъ и, напротивъ, гналъ людей порядочныхъ, державшихъ себя самостоятельно. Какъ деканъ, онъ покровительствовалъ сыновьямъ знатныхъ и сильныхъ, отъ которыхъ въ свою очередь ждалъ покровительства, и дѣлалъ это въ ущербъ бѣднымъ студентамъ.

Давыдовъ читалъ студентамъ исторію русской словесности, но не сообщалъ имъ ничего новаго; курсъ его былъ хорошо извѣстенъ изъ напечатанныхъ имъ «Чтеній о словесности». Но такъ какъ ему не хотѣлось повторять самого себя, то онъ читалъ, вмѣсто двухъ часовъ, всего часъ, и цѣлый годъ, что называется, переливалъ изъ пустого въ порожнее; поэтому студенты называли его курсъ: «Нѣчто о ничемъ или теорія краспорѣчія». Другимъ профессоромъ русской словесности былъ Шевыревъ, пользовавшійся извѣстностью въ свое время, но также не понравившійся Соловьеву, потому что онъ на своихъ лекціяхъ увлекался фразерствомъ и реторикой. Шевыревъ при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ говорилъ въ самыхъ напыщенныхъ выраженіяхъ о гніеніи Запада, о превосходствѣ Востока, русскаго православнаго міра, и прославлялъ Россію до такой степени, что лекціи его среди студентовъ были прозваны казенными.

Древнимъ языкамъ обучали Оболенскій,—человѣкъ знающій, но бездарный и полусумасшедшій, надъ странными рѣчами котораго студенты постоянно смѣялись,—еще болѣе бездарный Меншиковъ и нѣмецъ Гофманъ, ведшій обученіе совершенно по-гимназически, занимавшійся исключительно грамматикой, при чтеніи авторовъ обращавшій вниманіе не на содержаніе, а на формы.

Въ сороковыхъ годахъ философія не преподавалась на философскомъ факультетѣ, и потому студенты ждали общихъ идей и развитія преимущественно отъ профессоровъ словесности и исторіи. Но литература была плохо представлена, и всего больше извлекъ Соловьевъ изъ лекцій историческихъ. На первомъ курсѣ читалъ древнюю исторію Крюковъ, хотя и не самостоятельный ученый, но даровитый профессоръ, хорошо знавшій западную литературу и увлекавшійся Гегелемъ. Его блестящее и вмѣстѣ съ тѣмъ серьезное изложеніе увлекало слушателей, давало имъ не только много новыхъ свѣдѣній, но и множество новыхъ идей. Среднюю и новую исторію читалъ Грановскій, тогда только что начинавшій пріобрѣтать извѣстность. Лекціи его производили на Соловьева такое-же обаятельное дѣйствіе, какъ и вообще на всѣхъ студентовъ, хотя съ внѣшней стороны Грановскій читалъ нехорошо, говорилъ тихо, требовалъ напряженнаго вниманія, заикался, глоталъ слова. Но внѣшнія недостатки исчезали передъ внутренними достоинствами рѣчи, передъ внутренней теплотой и силой, дававшей жизнь историческимъ лицамъ и событіямъ. Соловьевъ сравнивалъ изложеніе Грановскаго съ изящной картиной, которая дышетъ теплотой, гдѣ всѣ фигуры, какъ живыя, дѣйствуютъ передъ вами.

«Грановскій,—говоритъ онъ,—принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, которыхъ, встрѣтясь съ ними разъ, нельзя забыть, сошедшись съ которыми тяжело разстаться. Природа одарила его наружностью, какой долго ищутъ художники: лицо его представляло рѣдкое соединеніе очертаній мужественной красоты съ выраженіемъ глубокомыслія и вмѣстѣ благодушія, сочувствія, которое влекло къ нему съ неотразимой силой. Теплое и разумное слово его ласкало человѣка, къ которому обращалось, было всегда желаннымъ, дорогимъ подаркомъ. Грановскій былъ щедръ на эти подарки, какъ самый общительный, сочувствующій человѣкъ, но съ этой щедростью соединялась большая разборчивость. Онъ принадлежалъ къ числу людей, мнѣніе которыхъ очень дорого цѣнится, и былъ судьею строгимъ при опредѣленіи нравственнаго благородства. Такіе люди, какъ Грановскій, заставляютъ многихъ внутренно охорашиваться; и друзья, и не-друзья, прежде чѣмъ дѣлать, прежде чѣмъ сказать что-нибудь, задавали себѣ вопросъ: «что скажетъ объ этомъ Грановскій?» Понятно, что съ такими нравственными средствами, какими обладалъ Грановскій, вліяніе его на слушателя было могущественно. Грановскій началъ свою профессорскую дѣятельность, когда умы молодого поколѣнія были сильно возбуждены великимъ стремленіемъ, господствовавшимъ въ исторической наукѣ,—стремленіемъ уяснить законы, которымъ подчинены судьбы человѣчества. Несмотря на непрекаемую важность, благотворность этого стремленія, и здѣсь, какъ во всякомъ дѣлѣ, во всякомъ стремленіи человѣческомъ, можно было дойти

до вредной односторонности, которая и действительно обозначилась въ историческихъ сочиненiяхъ, важныхъ по своему достоинству и влiянiю: имѣя въ виду общiе законы развитiя человѣчества, разсматривая историческихъ дѣятелей, цѣлые поколѣнiя и народы только какъ орудiя для достиженiя извѣстныхъ цѣлей, прiобрѣтали жесткость взгляда, теряли сочувствiе къ поколѣнiямъ и народамъ, къ ихъ радостямъ и торжествамъ, ихъ страданiямъ и паденiямъ; мало того, прiобрѣтали равнодушiе, неразборчивость при оцѣнкѣ средствъ, которыми достигались извѣстныя историческiя цѣли, цѣлями оправдывались средства, не могущiя быть оправданы на судѣ нравственномъ: что нужды, если употреблялись средства не нравственныя, лишь бы употреблены были они во имя благодѣтельныхъ для человѣчества идей. «Идеи не суть индѣйскiя божества, которыхъ возятъ въ торжественныхъ процессiяхъ и которыя давятъ поклонниковъ своихъ, суевѣрно бросающихся подъ ихъ колесницы», вотъ слова, раздавшiяся въ аудиторiяхъ нашего университета съ появленiемъ въ нихъ Грановскаго. Грановскiй всѣми силами своей любящей, сочувствующей души, всѣми могущественными средствами своего живого, теплаго таланта сталъ противодѣйствовать вредной крайности господствующаго направленiя, и въ этомъ состоитъ его великая ученая и нравственная заслуга. Народы и поколѣнiя, въ преподаванiи Грановскаго, являлись не мертвыми цифрами для рѣшенiя извѣстныхъ историческихъ задачъ: они оживали передъ слушателями, которые такимъ образомъ вводились въ общество своихъ собратiй, жили съ ними одной жизнью, сочувствовали имъ, привыкали видѣть въ историческомъ человѣкѣ существо живое, чувствующее, и потому привыкали осторожнѣе обходиться съ ними въ своихъ чувствахъ, въ своихъ сужденiяхъ. Грановскiй своимъ живымъ, теплымъ отношенiемъ къ слушателямъ всего лучше напоминалъ учителя древняго мiра: преподаванiе его не ограничивалось лекцiонными часами; студенты и окончившiе университетскiй курсъ находили въ немъ всегда горячую готовность дѣлиться съ ними своими громадными свѣдѣнiями, указывать средства къ занятiямъ и доставлять эти средства изъ своей превосходно составленной библiотеки. Но что всего важнѣе было при этихъ бесѣдахъ, это живительное впечатлѣнiе, производимое на молодыхъ людей, вступающихъ въ жизнь, человѣкомъ полнымъ жизни, полнымъ горячаго сочувствiя ко всѣмъ ея вопросамъ,—человѣкомъ, готовымъ всегда служить своимъ собратiямъ и словомъ, и дѣломъ. Отсюда понятна сильная привязанность къ нему учениковъ и всѣхъ людей, близко его знавшихъ».

Благотворное влiянiе Грановскаго, заставившаго Соловьева заняться всеобщей исторiей и полюбить ее, сказалось впослѣдствiи въ главномъ трудѣ послѣдняго—исторiи Россiи. Казалось бы, что Соловьевъ, избравшiй своей спецiальностью русскую исторiю, долженъ былъ всего болѣе научиться у того профессора, который посвятилъ себя той же спецiальности. На самомъ дѣлѣ это было не такъ. На послѣднихъ курсахъ русскую исторiю читалъ Погодинъ, прiобрѣтшiй уже тогда громкую извѣстность и занимавшiй каѳедру пятна-

дцать лѣтъ. Погодинъ занимался почти исключительно древнѣйшимъ періодомъ русской исторіи, главныя его работы посвящены Варяжскому вопросу; то же самое дѣлалъ онъ въ университетѣ, и курсъ его былъ мало поучителенъ и еще меньше занимателенъ. Мѣсяца два посвящалъ онъ Славянскимъ Древностямъ, которыя читалъ буквально по Шафарику; затѣмъ переходилъ къ подробному разсмотрѣнію вопросовъ о достовѣрности русскихъ лѣтописей и о происхожденіи Варяговъ-Руси, т. е. сообщалъ то, что̀ изложено было имъ въ двухъ его диссертаціяхъ. Въ этомъ заключалась главная часть его курса; остальное время онъ посвящалъ чтенію Карамзина, безъ всякихъ историческихъ поясненій, потому что не слѣдилъ за наукой и не могъ дѣлать нужныхъ дополненій по новымъ источникамъ. Онъ приносилъ съ собой Карамзина и превращалъ лекцію исторіи въ лекцію реторики, выбирая преимущественно мѣста красивыя. Погодинъ читалъ съ восторгомъ описаніе Тамерлановыхъ подвиговъ и требовалъ отъ слушателей, чтобы они также восторгались этимъ описаніемъ, затѣмъ обращалъ вниманіе студентовъ на необыкновенное искусство, съ которымъ Карамзинъ переходитъ отъ разсказа объ одномъ событіи къ разсказу о другомъ. Главная его цѣль была при этомъ убѣдить слушателей, что русская исторія интересна, что она не хуже какой-нибудь другой, французской или англійской. Погодинъ останавливался тамъ-же, гдѣ останавливался Карамзинъ, т. е. на 1612 г. Такимъ образомъ изъ его лекціи слушатели могли основательно познакомиться только съ Варяжскимъ вопросомъ, да съ нѣкоторыми мѣстами изъ «Исторіи государства россійскаго», которыя и безъ профессора легко было прочесть; по книгамъ въ то время нельзя было изучить русскую исторію послѣ Смутнаго времени и этотъ существенный пробѣлъ не восполнялся курсомъ Погодина.

Значительная часть лекцій посвящалась разговорамъ со студентами, и такія бесѣды могли бы быть очень полезны, еслибы имѣли другой характеръ. Но Погодинъ ограничивался указаніями на то, *чѣмъ* слѣдуетъ заниматься, изложить исторію сословій, исторію отдѣльныхъ княжествъ и т. п., но самаго главнаго, что̀ требуется отъ профессора, онъ не говорилъ,—*какъ* заниматься, *какъ* работать надъ источниками. Онъ жаловался, что молодые люди самолюбивы, не хотятъ безкорыстно трудиться на стариковъ. «Вѣдь вотъ никто изъ нихъ не пойдетъ къ старому ученому дрова пилить», выражался Погодинъ со свойственной ему откровенностью, разумѣя подъ этимъ, что никто не соглашается подыскивать ему мѣста въ

источникахъ, вообще заниматься подготовительной работой, которой онъ, Погодинъ, могъ-бы воспользоваться, сберегая такимъ образомъ трудъ и время.

Подобныя бесѣды только смѣшили студентовъ и возбуждали антипатію къ профессору. Университетская молодежь и такъ не питала къ Погодину никакого уваженія; онъ пользовался репутаціей грубаго до цинизма, самолюбиваго и корыстолюбиваго человѣка,—такимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ,—умнымъ и плутоватымъ мужикомъ, по выраженію академика Никитенко.

Понятно, что при такомъ составѣ профессоровъ наиболѣе плодотворнымъ для Соловьева было занятіе всеобщей исторіей. Въ то время господствовало философское направленіе, и увлеченіе Гегелемъ было таково, что занимающіеся студенты постоянно выражались гегелевскими терминами. Это направленіе было полезно въ томъ отношеніи, что заставляло студентовъ думать, не ограничиваться фактами, но дѣлать широкія обобщенія. Философія исторіи Гегеля произвела такое сильное впечатлѣніе на Соловьева, что онъ, правда на короткое время, увлекся протестантскимъ ученіемъ и собирался сдѣлаться философомъ и разрабатывать религіозные вопросы. Но скоро любовь къ исторіи взяла верхъ, и Соловьевъ погрузился въ чтеніе историческихъ книгъ, преимущественно европейскихъ ученыхъ—Гиббона, Вико, Сисмонди. На послѣднемъ курсѣ онъ занимался больше всего русской исторіей, работалъ самостоятельно по источникамъ, такъ какъ наша литература того времени отличалась своей бѣдностью. Кромѣ Карамзина, почти нечего было читать; Карамзина онъ изучилъ еще въ гимназіи, да притомъ этотъ историкъ не удовлетворялъ даже студентовъ. Изъ сочиненій по русской исторіи самое большее впечатлѣніе произвело на Соловьева «Древнѣйшее право Руссовъ» Эверса, гдѣ онъ нашелъ указаніе на родовой бытъ у Славянъ, чѣмъ впослѣдствіи воспользовался въ созданіи своей теоріи.

Погодинъ обратилъ вниманіе на Соловьева, когда тотъ подалъ ему сочиненіе о первыхъ вѣкахъ русской исторіи, въ которомъ опровергнулъ нѣсколько положеній Погодина. Однажды онъ съ каѳедры обратился съ такимъ воззваніемъ: «Г. Соловьевъ, зайдите когда-нибудь ко мнѣ». Студентъ отозвался конечно на такое любезное приглашеніе профессора и сталъ ходить къ нему въ гости, но не часто, потому что приглашеніе получилъ уже во второе полугодіе, передъ окончаніемъ курса. Погодинъ любезно принималъ Соловьева, предоставилъ

ему пользоваться своимъ знаменитымъ древлехранилищемъ, богатымъ рукописями, которое, кстати сказать, онъ впослѣдствіи продалъ Публичной Библіотекѣ за 150 тысячъ рублей. Но работы своего слушателя Погодинъ такъ и не разобралъ и ограничился замѣчаніемъ: «Я хотѣлъ было съ вами потолковать о вашемъ сочиненіи, но куда-то его запряталъ, такъ что отыскать не могу».

Въ то-же время Соловьевъ подалъ Крюкову сочиненіе о египетской исторіи, и работа эта такъ понравилась профессору, что онъ однажды громко объявилъ въ присутствіи другихъ студентовъ: «Г. Соловьевъ, я ношу ваше сочиненіе въ карманѣ, не могу съ нимъ разстаться.» На этомъ основаніи Крюковъ довольно настойчиво предлагалъ Соловьеву заняться древностями, но послѣдній отказался, такъ какъ не чувствовалъ влеченія къ латинской грамматикѣ и вообще филологіи, изученіе которой сопряжено было съ изученіемъ древней исторіи. Соловьевъ окончательно рѣшился посвятить себя русской исторіи.

Выпускные экзамены Соловьевъ сдалъ, какъ всегда, блистательно и получилъ даже одобреніе Погодина. Обращаясь къ начальству, присутствовавшему на экзаменѣ, профессоръ сказалъ: «Рекомендую г. Соловьева, это—лучшій студентъ курса по русской исторіи, одинъ изъ лучшихъ во все продолженіе моей профессорской службы; не скажу,—лучшій изъ всѣхъ: были прежде и другіе такіе-же.»

II.

Заграничное путешествіе. — Магистерскій экзаменъ. Диссертаціи на степень магистра и доктора исторіи.—Профессорская дѣятельность.

Въ то время, когда Соловьевъ находился въ старшихъ классахъ гимназіи и потомъ въ университетѣ, попечителемъ московскаго учебнаго округа былъ графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ. Онъ уважалъ науку, любилъ литературу и выше всего ставилъ въ человѣкѣ талантъ, трудолюбіе, честность, прямоту, благородство, строгое исполненіе своихъ обязанностей. Онъ не любилъ давать мѣста по протекціи, и прійти къ Строганову съ рекомендательнымъ письмомъ отъ знатной дамы или знатнаго господина—значило навсегда

погубить себя въ его мнѣніи, никогда не получить мѣста. Онъ довѣрялъ людямъ хотя и незнатнымъ, но знающимъ и понимающимъ. Къ Строганову нельзя было подольститься, ему можно было понравиться исключительно личнымъ достоинствомъ и усерднымъ исполненіемъ своихъ обязанностей. Своимъ подчиненнымъ онъ позволялъ высказывать свои мнѣнія совершенно откровенно и спорить сколько угодно. Одного изъ чиновниковъ, служившихъ подъ его начальствомъ, Строгановъ хвалилъ такимъ образомъ: «Что это за человѣкъ! Бывало начну съ нимъ говорить, спорить, указывать ему, не дастъ слова выговорить! Прекрасный, честный человѣкъ, крѣпкій въ своихъ убѣжденіяхъ!»

«Послѣ двухлѣтняго гнета подъ ферулою Д. П. Голохвастова (помощника попечителя),—разсказываетъ Буслаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—мы, студенты 1834 года, могли вполнѣ оцѣнить и радостно почувствовать на себѣ самихъ благотворную силу обновленія во всемъ строѣ университетской жизни. Предшественникъ графа Строганова, князь Сергѣй Михайловичъ Голицынъ, знаменитый и первый вельможа въ Москвѣ, былъ человѣкъ рѣшительно добрый и благотворительный, но—странное дѣло—ровно ничего для университета не дѣлалъ, а вполнѣ предоставлялъ Голохвастову дѣлать все, что угодно. Онъ даже вовсе и не любилъ университета и при насъ втеченіи двухъ лѣтъ ни разу не былъ въ аудиторіяхъ на лекціи; только однажды посѣтилъ онъ нашу казенную столовую во время обѣда, прошелся взадъ и впередъ между столами и, закинувъ голову, смотрѣлъ по верхамъ въ потолокъ, на студентовъ же вовсе ни на кого и не взглянулъ. Графъ же Строгановъ чуть не каждый день посѣщалъ лекціи профессоровъ и внимательно слушалъ каждую съ начала до конца, никогда не оскорбляя профессора преждевременнымъ выходомъ изъ аудиторіи; а во время переходныхъ и выпускныхъ экзаменовъ любилъ знакомиться съ успѣхами и способностями экзаменующихся студентовъ и съ особеннымъ вниманіемъ и участіемъ слѣдилъ за тѣми изъ нихъ, которые были уже у него на примѣтѣ по дарованіямъ и прилежанію». («Вѣстн. Европы» 1890 г. № 12»).

Строгановъ засталъ въ университетѣ множество профессоровъ бездарныхъ, отсталыхъ, съ нелѣпыми выходками и привычками, подвергавшихся вслѣдствіе того насмѣшкамъ студентовъ. Молодыхъ людей, въ которыхъ попечитель усмотрѣлъ дарованіе и трудолюбіе, онъ отправлялъ учиться заграницу, и такимъ образомъ обновилъ Московскій университетъ. Къ этимъ молодымъ ученымъ принадле-

жали наиболѣе видные представители сороковыхъ годовъ: Грановскій, Крюковъ, Кавелинъ, Буслаевъ. — Погодина, Шевырева и Давыдова Строгановъ не любилъ за ихъ нравственную неопрятность, но терпѣлъ въ университетѣ, потому что замѣнить ихъ было некѣмъ: для изученія русской исторіи и словесности не посылали молодежь заграницу. Пользуясь враждою между попечителемъ и министромъ народнаго просвѣщенія Уваровымъ, Погодинъ, Шевыревъ и компанія старались заручиться покровительствомъ министра, и старанія ихъ увѣнчались успѣхомъ.

Соловьева Строгановъ замѣтилъ еще въ гимназіи и въ университетѣ началъ покровительствовать ему, понявъ, что этимъ талантливымъ юношей можно будетъ замѣстить непріятнаго ему Погодина.

Отвергнувъ предложеніе Крюкова и занявшись преимущественно русской исторіей, Соловьевъ не имѣлъ никакой надежды быть посланнымъ заграницу на казенный счетъ. Между тѣмъ онъ считалъ для себя очень важнымъ поучиться у европейскихъ профессоровъ, но не могъ сдѣлать этого на свои средства. Поэтому онъ очень обрадовался, когда по рекомендаціи попечителя получилъ предложеніе занять мѣсто домашняго учителя въ домѣ его брата, гр. Александра Григорьевича Строганова, проживавшаго тогда заграницей.

Лѣтомъ 1842 года Соловьевъ отправился въ Теплицъ, гдѣ находились Строгановы, но по дорогѣ остановился на короткое время въ Берлинѣ и прослушалъ здѣсь нѣсколько лекцій знаменитыхъ ученыхъ, философа Шеллинга, великолѣпнаго старца съ орлинымъ взглядомъ, производившаго большое впечатлѣніе торжественностью своей рѣчи, церковнаго историка Неандера, пользовавшагося громкой извѣстностью, патріарха новой исторіи Ранке, Раумера, географа Риттера. Соловьеву необходимо было поспѣшить въ Теплицъ и нѣсколько берлинскихъ лекцій не могли принести ему большой пользы: онъ прослушалъ ихъ изъ любопытства, желая посмотрѣть на знаменитыхъ людей.

Въ Теплицѣ Соловьевъ познакомился съ семействомъ Строгановыхъ, въ которомъ пришлось ему прожить больше года и которое не понравилось ему. По рожденію, воспитанію и образованію у него не было ничего общаго съ графомъ Александромъ Григорьевичемъ, опальнымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, и легкомысленной графиней, увлекавшейся іезуитами и католицизмомъ. Но хотя Соловьевъ и не могъ сдружиться со Строгановыми, зато жизнью своей онъ былъ

вполнѣ доволенъ, потому что пользовался большой свободой. Изъ Теплица Строгановы вслѣдъ за пріѣздомъ новаго учителя переѣхали въ Парижъ, и тутъ Соловьеву приходилось только учить двѣнадцатилѣтняго графа Виктора Александровича, при которомъ состоялъ французъ-гувернеръ. Занятія происходили по утрамъ не болѣе трехъ часовъ въ день, и затѣмъ Соловьевъ могъ дѣлать все, что ему угодно. Позавтракавъ, онъ отправлялся въ королевскую (теперешнюю національную) библіотеку, работалъ тамъ до 3 часовъ, потомъ возвращался домой, писалъ до обѣда, т.-е. до 6 часовъ, а вечеромъ читалъ новыя книги и журналы. Не имѣя возможности работать надъ русской исторіей за недостаткомъ книгъ, онъ занимался всеобщей исторіей, и преимущественно славянской. Уже тогда въ головѣ Соловьева зарождались общія историческія теоріи, касавшіяся жизни всѣхъ народовъ; онъ задумывалъ сочиненіе, въ которомъ хотѣлъ объяснить главнѣйшія явленія въ исторіи человѣчества отношеніемъ дружины къ родовой общинѣ, антагонизмомъ между замкнутымъ родомъ и выдѣлившейся изъ него толпой людей. Съ этой цѣлью онъ изучалъ исторію древнихъ и новыхъ народовъ; Семитическія племена и Славяне являлись, казалось ему, представителями родового начала, а Греки—представителями дружиннаго; въ борьбѣ патриціевъ и плебеевъ онъ видѣлъ борьбу родового и дружиннаго начала. Соловьевъ осуществилъ свою мысль гораздо позднѣе, уже незадолго до смерти, когда написалъ свои статьи подъ заглавіемъ «Наблюденія надъ исторической жизнью народовъ»; но достойно вниманія, что въ немъ уже въ юные годы проявлялась склонность къ широкимъ обобщеніямъ,—онъ не могъ ограничиться разработкою спеціальныхъ вопросовъ, и въ этомъ нельзя не видѣть вліянія Грановскаго.

По воскресеньямъ Соловьевъ отдыхалъ, ходилъ всегда въ русскую церковь, послѣ обѣдни отправлялся вмѣстѣ съ Сажинымъ, гувернеромъ кн. Гагарина, осматривать Парижъ, обѣдалъ въ ресторанѣ, вечеромъ посѣщалъ театры, смотрѣлъ знаменитую Рашель, предпочитая впрочемъ комическую оперу и водевиль, гдѣ можно было посмѣяться.

Соловьевъ не ограничивался занятіями въ библіотекѣ, но посѣщалъ также университетскіе курсы въ Сорбоннѣ и Collège de France, на которые по французскому обычаю допускалась публика. Французское преподаваніе и парижскіе профессора не понравились Соловьеву. Вотъ что писалъ онъ въ своей статьѣ о парижскомъ университетѣ:

«Характеръ французскаго народа, живой и нетерпѣливый, требующій непосредственнаго примѣненія дѣятельности умственной къ дѣятельности практической, расторгъ преграду, отдѣляющую въ другихъ государствахъ университетъ отъ общества. Подобно картиннымъ галлереямъ, публичнымъ библіотекамъ, университетскія аудиторіи открыты для всѣхъ; толпа хлынула въ святилище: что же? освятилась ли толпа или осквернила святилище? Увидимъ. Съ одной стороны университетское преподаваніе выиграло отъ тѣснаго сближенія съ обществомъ: профессоръ, имѣя въ виду не малое число избранныхъ посвященныхъ, но сонмъ людей всѣхъ состояній, началъ заботиться о доступности своего изложенія для каждаго слушателя; отсюда ясность рѣчи, доведенная до высшей степени: французскій профессоръ кокетничаетъ этимъ качествомъ, умѣньемъ находить способы объясненія одинъ другого легче, одинъ другого явственнѣе; часто онъ составляетъ цѣлый рядъ объясненій, поражая слушателей возможностью найти еще легчайшее истолкованіе предмета, уже и безъ того удовлетворительно уясненнаго. Кромѣ того, являясь передъ многочисленное собраніе, профессоръ почитаетъ обязанностью дать своей скромной музѣ блестящій нарядъ: отсюда рѣчь его обработана, звучна, блестяща. Легко можно понять, какую огромную пользу получаетъ отъ того языкъ, надъ которымъ со тщаніемъ трудится многочисленное сословіе мыслителей: каждый профессоръ исполняетъ обязанность члена французской академіи и не будучи включенъ въ завѣтное число сорока. Въ то же время слухъ присутствующихъ пріучается къ правильности, налаживается на гармонію; надо видѣть, до какой аѳинской тонкости дошли парижане въ отношеніи къ языку: каждое счастливое выраженіе, каждое гармонически составленное предложеніе замѣчено и награждено рукоплесканіями. Но этимъ и ограничиваются выгоды тѣснаго сближенія университета съ обществомъ. Встрѣтившись съ обществомъ лицомъ къ лицу, университетъ удержалъ ли за собою первенство положенія? Нѣтъ, онъ уступилъ, преклонился, поддался! Отсюда рядъ оскорбительныхъ, унизительныхъ явленій. Лекція для парижанъ занимаетъ мѣсто утренняго спектакля. Туда идутъ, чтобы безъ скуки провести время, узнать вскользь что-нибудь занимательное, а больше всего удовлетворить своей народной страсти—послушать хорошаго оратора. Не заботятся о содержаніи, лишь бы было хорошо разсказано; не говорятъ о томъ, что̀ говоритъ профессоръ, но съ восхищеніемъ повторяютъ нѣсколько сильныхъ или звучныхъ фразъ. Что же профессора? Стараются ли удержать, обуздать такое ложное направленіе, дать народному характеру болѣе степенности, образовать по возможности изъ этого пылкаго, вѣчно молодого народа народъ болѣе сознательный и отчетливый, внушая ему болѣе уваженія къ вещамъ важнымъ, показывая, что цѣль науки—научать, а не забавлять, и что народъ, требующій картинокъ къ учебнику, тѣмъ самымъ сознается въ своемъ младенчествѣ? Нѣтъ, я уже сказалъ, что университетъ не удержалъ своего высокаго характера. Профессоръ есть покорный слуга слушателей; онъ хочетъ снискать ихъ благосклонность; громкія рукоплесканія—существенная его цѣль, средства къ ея достиженію для него дѣло второстепенное. Эти средства обыкновенно суть: отдѣлать какъ можно тщательнѣе внѣшнюю часть рѣчи, чтобы не утомить вниманія слушателей, разжидить какъ можно

болѣе содержаніе, опуская подробности; чтобы и тутъ содержаніе не показалось слишкомъ серьезнымъ, развести его достаточнымъ количествомъ остротъ, напослѣдокъ сосредоточить весь интересъ къ концу, къ части патетической, чтобы послѣднія слова были заглушены рукоплесканіями. Если сухость содержанія не допускаетъ патетической части, то ораторъ привязывается къ отдѣльной мысли, не находящейся въ большой связи съ главнымъ, часто воспламеняется однимъ словомъ и придѣлываетъ патетическую часть; такъ напримѣръ, дѣло идетъ объ этрускахъ: какую занимательность можетъ найти парижанинъ въ этруской исторіи, когда въ палатѣ разсуждается объ испанскихъ дѣлахъ или о свекловичномъ сахарѣ? Въ такомъ случаѣ профессоръ говоритъ, что этруски погибли, потому что не шли путемъ, по которому теперь идетъ Франція, а Франція и свобода это—такія два слова, которыя необходимо должны заслужить рукоплесканія, хотя бы даже въ этруской исторіи. Впрочемъ безпрестанные намеки на Францію и ея настоящее состояніе не заслуживали бы никакого упрека, потому что каждый профессоръ долженъ имѣть всегда въ виду отечество и народность, и приложеніе уроковъ прошедшаго къ настоящему состоянію государства было бы всегда прилично, еслибъ въ подобномъ приложеніи видна была одна пламенная любовь къ отчизнѣ; къ сожалѣнію, легко усмотрѣть, что священное слово родина въ устахъ большей части профессоровъ служитъ только средствомъ къ возбужденію участія и рукоплесканій, къ раздраженію, а не къ назиданію толпы, и вотъ почему для чужеземца, приходящаго съ другими понятіями, подобное повтореніе кажется утомительнымъ и недостойнымъ». («Москвитянинъ», 1843 г. № 8).

Какъ въ публичномъ преподаваніи Соловьевъ не хотѣлъ видѣть хорошей стороны, такъ и къ французскимъ профессорамъ онъ относился отрицательно, отчасти потому, что въ то время увлекался ложнымъ патріотизмомъ и заразился нѣсколько славянофильскимъ духомъ. Изъ извѣстныхъ въ то время историковъ Соловьевъ слушалъ Мишле и Ленормана, но обоихъ нашелъ неудовлетворительными.

Гораздо снисходительнѣе Соловьевъ относился къ филологамъ и профессорамъ литературы. С. Марка Жирардена онъ слушалъ съ наслажденіемъ и вполнѣ оцѣнилъ его глубокій критическій умъ.

«Кине,—говоритъ онъ,—избравшій предметомъ своего курса исторію древней нѣмецкой, итальянской и испанской литературы, не заботясь ни о рукоплесканіяхъ, ни о количествѣ слушателей, никогда не унижаетъ своего достоинства мѣрами противозаконными на каѳедрѣ; лекція его всегда обилуетъ содержаніемъ, рѣчь его проста, безыскусственна».

Лѣто 1843 г. Строгановы собирались провести на богемскихъ водахъ, а такъ какъ для Соловьева не хватило мѣста въ ихъ каретѣ, онъ отправился одинъ и, воспользовавшись случаемъ, осмотрѣлъ по дорогѣ Страсбургъ, Штутгартъ, Мюнхенъ и Регенсбургъ. Пріѣхавъ въ Карлсбадъ, онъ узналъ, что Строгановы будутъ еще не скоро, и

поѣхалъ въ Прагу, гдѣ познакомился съ извѣстными славянскими учеными Ганкой, Палацкимъ и Шафарикомъ, а также съ кружкомъ властенцовъ (патріотовъ), мечтавшихъ объ освобожденіи Чехіи изъ подъ власти Австріи. Этотъ кружокъ молодыхъ людей, добродушныхъ и нравственно чистыхъ, служившихъ идеѣ и жившихъ исключительно мечтой, произвелъ очень пріятное впечатлѣніе на Соловьева, хотя они и отличались наивностью. Такъ напримѣръ, одинъ властенецъ-граверъ показывалъ съ восторгомъ свою только что оконченную работу: вырѣзанъ былъ орелъ, котораго зубами ухватилъ за шею левъ. Левъ — это эмблема Чехіи, котораго властенцы противопоставляли орлу, австрійскому гербу.

Зиму 1843-1844 г. Соловьевъ прожилъ вновь въ Парижѣ у Строгановыхъ, часть слѣдующаго лѣта провелъ въ Гейдельбергѣ, гдѣ слушалъ лекціи историковъ Рау и Шлоссера, а конецъ лѣта опять у Строгановыхъ на Богемскихъ водахъ, и осенью 1844 г. возвратился въ Москву, гдѣ надѣялся получить каѳедру.

Во все время своего заграничнаго путешествія Соловьевъ не прекращалъ сношеній съ своимъ учителемъ Погодинымъ. Вѣря въ расположеніе московскаго профессора, онъ сообщалъ ему о ходѣ своихъ занятій и даже обращался къ нему за совѣтомъ. Весной 1844 г. Строгановы уговаривали Соловьева остаться у нихъ еще на годъ, но онъ находилъ это для себя безполезнымъ, потому что заграницей невозможно было заниматься русской исторіей, а ему хотѣлось поскорѣе выдержать экзаменъ на магистра и получить право на каѳедру. Поэтому онъ написалъ Погодину съ просьбою сообщить, что̀ дѣлается въ Московскомъ университетѣ и на что̀ онъ можетъ разсчитывать. Отвѣтъ не заставилъ себя ждать, но отличался двусмысленностью. Погодинъ въ сильныхъ выраженіяхъ благодарилъ Соловьева за оказанное ему довѣріе, къ которому онъ очевидно не привыкъ, сообщалъ, что онъ оставилъ каѳедру, думаетъ ѣхать въ Швецію заниматься варяжскимъ періодомъ, въ южную Сибирь для занятія монгольскимъ періодомъ; что съ одной стороны Соловьеву нужно было бы возвратиться въ Россію для занятія русской исторіей, но съ другой стороны пожить подольше заграницей было бы ему также очень полезно, что во всякомъ случаѣ онъ можетъ разсчитывать на мѣсто адъюнкта при университетѣ. Письмо это удивило Соловьева своей странностью, потому что онъ въ то время еще не понялъ характера Погодина и не зналъ, что̀ дѣлалось въ Москвѣ.

Авторитетъ Погодина сильно пошатнулся въ сороковыхъ годахъ, попечитель не благоволилъ къ нему, и, благодаря своему грубому и

неуживчивому характеру, онъ находился во враждѣ съ молодыми профессорами, такъ называемыми западниками. Погодинъ былъ столько же публицистомъ, сколько ученымъ: онъ издавалъ журналъ «Москвитянинъ», органъ православно-русскаго направленія по выраженію его біографа г. Барсукова. Какое это было направленіе видно изъ одной редакціонной статьи, написанной Погодинымъ. «Благоговѣніе предъ русской исторіей до Петра I, воздаміе должной чести Москвѣ, осужденіе безусловнаго поклоненія Западу, сознаніе національнаго достоинства, увѣренность въ великомъ предназначеніи русскаго народа, не только въ политическомъ смыслѣ, но и въ человѣческомъ, увѣренность въ величайшихъ дарахъ духовныхъ, коими надѣленъ русскій человѣкъ для подвиговъ на поприщѣ наукъ и литературы, сочувствіе къ племенамъ славянскимъ, ихъ исторіи, литературѣ и судьбѣ, непримиримая ,открытая вражда къ противоположному направленію — вотъ въ краткихъ словахъ программа «Москвитянина». Крайнее направленіе этого журнала удивляло даже такихъ умѣренныхъ людей, какимъ былъ цензоръ и академикъ А. В. Никитенко. «Читалъ между прочимъ «Москвитянина»,—пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ.—Чудаки—эти москвичи, ругаютъ западъ на чемъ свѣтъ стоитъ. Западъ умираетъ, уже умеръ и гніетъ. Въ Россіи только и можно жить и учиться чему нибудь. Это страна благополучія и великихъ убѣжденій. Если это искренно, то москвичи—самые отчаянные систематики. Они отнимаютъ у Бога тайны его предначертаній и рѣшаютъ по своему жизнь и упадокъ царствъ. Они похожи на школьниковъ, которые считаютъ себя всемірными мудрецами, все знаютъ и все могутъ. Они дѣйствительно являются выраженіемъ нашей младенчествующей самостоятельности».

Понятно, что такое направленіе пришлось не по сердцу молодымъ профессорамъ, гордившимся своимъ европейскимъ образованіемъ, не нравились имъ и грубыя манеры Погодина. Послѣдній не стѣснялся, называлъ молодыхъ профессоровъ нѣмцами, громогласно говорилъ, что онѣмеченный русскій гораздо хуже, вреднѣе для Россіи, чѣмъ нѣмецъ, что отъ посылки русскихъ ученыхъ заграницу происходитъ страшное зло для университетовъ. Погодинъ доходилъ до того, что западниковъ, людей очень почтенныхъ, называлъ подлецами и негодяями. Вражда разгорѣлась особенно сильно въ концѣ 1843 г., когда глава западниковъ Грановскій открылъ въ университетѣ публичный курсъ по исторіи среднихъ вѣковъ и когда его талантливыя лекціи имѣли большой успѣхъ въ публикѣ. Герценъ приходилъ отъ нихъ въ восторгъ. «Какой благородный, прекрасный

языкъ,—пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ,—потому именно, что выражаетъ благородныя и прекрасныя мысли. Я очень доволенъ. Его лекціи—въ самомъ дѣлѣ событіе. И какъ современны онѣ, какой камень въ голову узкимъ націоналистамъ!» А Погодинъ занесъ въ свой дневникъ слѣдующія несправедливыя слова: «Былъ на лекціи у Грановскаго. Такая посредственность, что изъ рукъ вонъ, это—не профессоръ, а нѣмецкій студентъ, который начитался французскихъ газетъ. Сколько пропусковъ, какія противорѣчія. Россіи какъ будто въ исторіи и не бывало. Ай, ай, ай! А я считалъ его еще талантливѣе другихъ»...

Хотя «Москвитянинъ» старался уничтожить Грановскаго и западниковъ, они все-таки были въ большинствѣ, пользовались покровительствомъ попечителя и симпатіями студенчества. Поэтому Погодинъ подалъ въ февралѣ 1844 г. прошеніе объ отставкѣ по разстроенному здоровью, но при этомъ заявилъ Строганову, что если здоровье его впродолженіи одного или двухъ годовъ возстановится, то онъ почтетъ священной своей обязанностью поступить вновь въ преподаватели университета, если это угодно будетъ начальству. Погодинъ надѣялся, что министръ попроситъ его отдохнуть и не оставлять университета, но, вопреки его надеждамъ, отставка была принята, и профессоръ негодовалъ на самого себя за такой неосмотрительный шагъ. Въ его позднѣйшихъ воспоминаніяхъ находятся слѣдующія откровенныя слова: «Года черезъ два я думалъ опять вступить въ университетъ съ болѣе укрѣпленными силами и по собственной просьбѣ начальства, что было бы для меня гораздо крѣпче, а теперешнія неудовольствія могли, представлялось мнѣ, кончиться по какому-нибудь случаю увольненіемъ даже безъ пенсіи, которую мнѣ хотѣлось, такъ сказать, застраховать, пока министромъ былъ Уваровъ, мнѣ благожелавшій. Опасеніе и намѣреніе неосновательныя: я былъ увѣренъ также, что черезъ два года обратятся ко мнѣ съ просьбою, потому что нельзя же оставлять университетъ безъ русской исторіи, и въ томъ, какъ оказалось, я ошибся жестоко. Вообще этотъ шагъ долженъ я считать теперь совершенно опрометчивымъ и имѣвшимъ вредное вліяніе на гражданскую внѣшнюю мою жизнь».

Въ преемники себѣ по каѳедрѣ Погодинъ намѣтилъ молодыхъ ученыхъ менѣе талантливыхъ, чѣмъ Соловьевъ, и при томъ такихъ, которые не намѣривались посвятить себя исключительно русской исторіи. Однимъ изъ этихъ кандидатовъ былъ Григорьевъ, занимавшій каѳедру восточныхъ языковъ въ Ришельевскомъ лицеѣ въ Одессѣ. Въ то время, когда Соловьевъ проводилъ вторую зиму въ Парижѣ и

разсчитывалъ на благорасположеніе своего профессора, Погодинъ убѣждалъ Григорьева сдѣлаться его преемникомъ. Григорьевъ вполнѣ сознавалъ, что онъ не подготовленъ для этой каѳедры и рѣшительно отказывался; Погодинъ долго убѣждалъ его. «Приготовляйтесь къ лекціямъ со дня на день,—писалъ Погодинъ Григорьеву.—Попечитель остановился теперь на Соловьевѣ, кандидатѣ, который долженъ воротиться изъ путешествія; малый онъ хорошій, съ душою, но, кажется, слишкомъ молодъ».

Въ отвѣтѣ на это письмо читаемъ слѣдующія удивительныя строки: «Если въ Соловьевѣ одинъ недостатокъ — молодость, такъ бѣда не велика; по моему: молодъ да уменъ, два угодья въ немъ. Бѣда не въ молодости его, а, какъ я слышалъ, въ томъ, что рано онъ хитрить началъ и не годится для каѳедры русской исторіи не по уму и не по свѣдѣніямъ, а по недостатку нравственнаго достоинства, но этого Строгановъ не понимаетъ». Всѣ знавшіе Соловьева единогласно подтвердятъ, что скорѣе у него можно было отнимать умъ и талантъ, чѣмъ нравственное достоинство. Отъ кого Григорьевъ слышалъ подобную клевету? Лично онъ не зналъ Соловьева, потому что съ 1838 г. находился въ Одессѣ. Не шла ли эта клевета изъ Москвы?

По возвращеніи изъ заграницы Соловьевъ очутился въ довольно неловкомъ положеніи. Статья его о парижскомъ университетѣ, изъ которой я выше привелъ выдержки, пришлась по вкусу Погодину и была напечатана имъ въ «Москвитянинѣ», но по этому самому не могла понравиться западникамъ. Непріятно дѣйствовало отрицательное отношеніе къ парижскому университету, а такъ какъ Соловьевъ ничего другого не печаталъ о своемъ заграничномъ путешествіи, можно было думать, что онъ вообще относится пренебрежительно къ европейской наукѣ, чего на самомъ дѣлѣ не было. Помянутая статья написана дѣйствительно въ узко-національномъ направленіи. Она начинается такими словами:

«Для каждаго путешественника-наблюдателя первымъ предметомъ любопытства въ государствѣ, среди котораго гоститъ онъ, должно быть народное образованіе, закончаніе котораго сосредоточивается обыкновенно въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ университетахъ. Если человѣкъ родится въ свѣтъ грубымъ матеріаломъ, которому семейство должно сообщить человѣчественную форму, то университетъ обязанъ дать ему форму гражданскую, образованіе гражданина въ настоящемъ, полномъ значеніи этого слова, и стыдъ тому семейству, изъ котораго молодой человѣкъ выходитъ безъ наслѣдія, безъ имени отеческаго, заклейменный печатью чужепародности въ поступкахъ, мысляхъ и сло-

вахъ; такой сынъ долженъ считаться незаконнымъ въ высшемъ, гражданскомъ смыслѣ. Но еще несчастному юношѣ остается средство спасенія: онъ можетъ быть усыновленъ отечествомъ чрезъ университетъ; но онъ погибаетъ окончательно, если и здѣсь встрѣчаетъ чуждое направленіе,—и стыдъ и горе такому университету!»

Статья кончается совершенно въ тонѣ «Москвитянина».

«Никогда,—говоритъ Соловьевъ,—полное удовлетвореніе не было моимъ удѣломъ послѣ лекціи Ленормана; никогда не могъ я освободиться отъ чувства какого-то недостатка, пустоты, даже неприличія; мнѣ было грустно, мнѣ было стыдно за Ленормана, и—странное дѣло—эта грусть, этотъ стыдъ увеличивались въ той мѣрѣ, въ какой увеличивалось мое уваженіе къ оратору. Русскіе поймутъ подобное состояніе духа; оно дало мнѣ знать, что я принадлежу къ семьѣ того великаго народа, высокой природѣ котораго суждено представить совершенство природы человѣческой: я разумѣю гармоническое сочетаніе ума и чувства. Вотъ почему не по насъ сухое преподаваніе нѣмецкое; вотъ почему не можетъ удовлетворить насъ одна восторженная импровизація французовъ; для насъ здѣсь не существуетъ выбора; оба направленія, взятыя порознь, намъ чужды, противны естеству, ненародны. И особенно теперь, въ эту торжественную эпоху, когда съ развитіемъ народнаго самопознанія явилась сильная потребность знанія, когда общество стремится сблизиться съ университетомъ, хочетъ заключить съ нимъ святой союзъ для дружнаго, братскаго прохожденія своего великаго поприща: теперь-то всего болѣе надобно говорить по-русски. И высокая мудрость правительства, всегда сочувствующая нашимъ потребностямъ, призываетъ таланты въ великомъ дѣлѣ народнаго оглашенія (позволеніемъ читать публичныя лекціи даже и не членамъ университета). Да откликнутся же на этотъ призывъ мужи науки, въ сердцѣ которыхъ горитъ святое пламя отчизнолюбія, и да заговорятъ съ нашимъ обществомъ рѣчью русскою, умной и вмѣстѣ теплой. Но прежде пусть взвѣсятъ собственныя силы и уразумѣютъ всю великость своего назначенія. Да страшатся унизить науку потворствомъ обществу: русское общество накажетъ презрѣніемъ человѣка, осмѣлившагося предложить ему забаву вмѣсто назиданія. Да страшатся представить обществу мертвую книгу вмѣсто человѣка живого и любящаго; русское горячее сердце требуетъ голоса сердечнаго, на русской почвѣ мысль безъ чувства безпотомственна. Но да остерегаются также раздражать сердце безъ удовлетворенія уму: русско-ясный, здравый умъ пойметъ недостатокъ, и сердце откажется внимать человѣку, пренебрегшему его привычнымъ сопутникомъ. Болѣе всего да боятся предстать предъ общество неприготовленными, да боятся искушать вдохновеніе! Но если трудъ добросовѣстный и вдохновеніе сопровождали ученаго при его занятіяхъ, то пусть смѣло идетъ онъ представить обществу плоды этихъ занятій. Великій поэтъ и патріотъ Италіи, въ дивной своей поэмѣ, превосходно изобразилъ силу рѣчи народной, представивъ мертвеца, возстающаго изъ гроба при звукѣ родного языка. Но если мертвецы откликаются на родную рѣчь, то какъ же откликнется на нее народъ, который Провидѣніе благословило жизнью полной, совершенной».

По поводу этой статьи Соловьевъ писалъ Погодину изъ заграницы:

«Человѣкъ, кажущійся вамъ хорошо ко мнѣ расположеннымъ, писалъ, что де статья моя о парижскомъ университетѣ хороша, но окончаніе де слишкомъ похоже на фразы «Москвитянина!» Вотъ что готовится моей русской душѣ въ Россіи! То, чѣмъ единственно горжусь я, то, почему единственно считаю себя чѣмъ-нибудь, называютъ фразами! Скажите мнѣ, господа цивилизованные европейцы, почему вы, замѣчая съ такимъ тщаніемъ все полезное и безполезное на Западѣ, до сихъ поръ не замѣтите одно—того, что здѣсь каждый народъ гордится своей народностью, любитъ и хвалитъ ее; отчего одни русскіе лишены права дѣлать то же? Кто изъ насъ болѣе европейцы,—вы ли, которые разнитесь съ ними въ самомъ существенномъ, или мы, подражающіе имъ въ этомъ. Вы, пріѣзжая изъ Парижа, хотите тотчасъ похвастаться глубокомысленнымъ сужденіемъ о Тьерѣ и Гизо, новымъ фракомъ и цѣпочкою; зачѣмъ вы не хотите позволить и намъ также показать парижскій топъ, ставя свое и своихъ выше всего на свѣтѣ, какъ то водится въ парижскомъ обществѣ? Нѣтъ, милостивые государи, вы не убѣдите меня, что я рискую возвратиться изъ Европы съ варварскими понятіями и квасныхъ патріотизмомъ; у меня есть доказательство моего европеизма: когда я говорю съ европейцемъ, хвалю, защищаю Россію, то онъ понимаетъ меня, находитъ это естественнымъ, ибо самъ поступаетъ такъ-же въ отношеніи къ своему отечеству, но васъ, позорящихъ отчизну, васъ не понимаетъ онъ, считаетъ уродами, презираетъ».

Соловьевъ увлекался русофильствомъ главнымъ образомъ потому, что въ высшихъ сферахъ, съ которыми пришлось ему столкнуться въ ту пору, когда онъ далеко еще не созрѣлъ, господствовала галломанія и слишкомъ большое презрѣніе ко всему русскому. Профессора-западники косо посмотрѣли на него, потому что считали его славянофиломъ, послѣдователемъ Погодина, и, отдѣлавшись отъ послѣдняго, не желали вступленія въ университетъ подобнаго же профессора. О Соловьевѣ они судили по его статьѣ, не зная, что онъ вовсе не такой славянофилъ, какъ они думали, потому что онъ ни къ кому изъ нихъ не ходилъ, ни въ комъ не заискивалъ. Онъ сидѣлъ у себя дома, стараясь какъ можно лучше подготовиться къ магистерскому экзамену и написать поскорѣе диссертацію. Кромѣ исторіи всеобщей и русской, географіи древней и новой, приходилось экзаменоваться изъ политической экономіи и статистики. Поэтому Соловьевъ зашелъ къ профессору Чивилеву, читавшему политическую экономію, желая представить ему, что главная его цѣль—показать свою способность занять каѳедру русской исторіи, для чего будетъ служить диссертація, а чтобы написать хорошую

диссертацію, надо употребить на нее все время, а не тратить его на предметы второстепенные. Соловьевъ желалъ, какъ это обыкновенно дѣлалось и дѣлается до сихъ поръ, чтобы профессоръ указалъ ему тѣ вопросы, на которые ему придется отвѣчать. Но Чивилевъ, принадлежавшій къ партіи западниковъ, принялъ его очень сухо и, когда онъ спросилъ, что ему нужно приготовить къ экзамену, отвѣчалъ, что если онъ прочтетъ всѣ книги по политической экономіи и статистикѣ, рекомендованныя имъ на лекціяхъ, это будетъ достаточно. Само собою разумѣется, что такая задача была непосильна для историка и подобное требованіе умѣстно было бы предъявлять только спеціалисту, посвятившему себя экономическимъ наукамъ.

Западники были настроены противъ Соловьева, но въ то-же время славянофилы не поддерживали его, и онъ не искалъ ихъ покровительства. Къ тому же въ университетѣ былъ въ то время одинъ только славянофилъ Шевыревъ, не пользовавшійся уваженіемъ товарищей. Шевыревъ вмѣстѣ съ Погодинымъ интриговалъ, чтобы послѣдняго упросили занять вновь только-что оставленную каѳедру. Соловьевъ зашелъ какъ-то къ декану Давыдову, чтобы поговорить съ нимъ о предстоящемъ экзаменѣ. Давыдовъ съ нахмуреннымъ лицэмъ вдругъ спросилъ его:

— Что же это значитъ? М. П. Погодинъ хочетъ опять войти въ университетъ, вѣдь мы имѣли васъ въ виду.

Давыдовъ не любилъ Погодина, какъ своего соперника, такъ какъ они оба ухаживали за министромъ Уваровымъ и выпрашивали у него всякія милости. Вопросъ декана очень озадачилъ Соловьева, и онъ отвѣтилъ, что ничего не знаетъ, что это дѣло университета. Давыдовъ заподозрилъ его въ неискренности, и такимъ образомъ зародилось въ университетскихъ кружкахъ ни на чемъ неоснованное подозрѣніе, будто Соловьевъ находится въ стачкѣ съ Погодинымъ, и послѣдній намѣренъ вернуться на каѳедру вмѣстѣ съ своимъ ученикомъ.

Между тѣмъ отношенія между Погодинымъ и Соловьевымъ совсѣмъ не были на столько близки, и едва-ли ихъ можно было назвать дружественными. Погодинъ не скрывалъ, что сожалѣетъ о своей отставкѣ. «Вотъ и Шафарикъ пишетъ,—говорилъ онъ,—зачѣмъ я такъ рано оставилъ университетъ», но о своихъ планахъ онъ ничего не сообщалъ. Одна выходка даже сразу отшатнула ученика отъ учителя, въ расположеніе котораго ему все еще хотѣлось вѣрить.

— Что же вы пишете диссертацію,—обратился Погодинъ къ Соловьеву,—а со мной никогда о ней не поговорите, не посовѣтуетесь?

— Я не нахожу приличнымъ совѣтоваться, отвѣтилъ Соловьевъ,—потому что, хорошо ли, дурно ли напишу я диссертацію, она будетъ моя, а стану совѣтываться съ вами и слѣдовать вашимъ совѣтамъ, то она не будетъ вполнѣ моя.

— Что же за бѣда,—возразилъ Погодинъ,—мы такъ и скажемъ, что диссертація написана подъ моимъ руководствомъ.

Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, борьбы западниковъ съ славянофилами, подозрѣнія, что Соловьевъ принадлежитъ къ партіи Погодина, недоброжелательства самого Погодина, было то, что Соловьевъ выдержалъ экзаменъ гораздо хуже, чѣмъ этого можно было ожидать, судя по его способностямъ и громадному трудолюбію. Экзамены на магистра не имѣютъ точной программы, требуется главнымъ образомъ знаніе литературы предмета, а это понятіе очень растяжимое: отъ взгляда профессора зависитъ, знакомство съ какими сочиненіями считать совершенно обязательнымъ. Притомъ исторія—наука такая обширная, что молодые ученые не въ состояніи овладѣть ею цѣликомъ и обыкновенно ограничиваются той или иной страной, той или иной эпохой. Экзаменъ на ученую степень можетъ быть очень труденъ и очень легокъ; для Соловьева онъ былъ преисполненъ всяческихъ затрудненій, потому что послѣ неудачной попытки съ Чивилевымъ онъ не обращался уже къ профессорамъ съ просьбою намѣтить ему опредѣленные вопросы.

Экзамены начались съ всеобщей исторіи въ январѣ 1845 г. Грановскій задалъ Соловьеву три вопроса: одинъ—изъ исторіи Франціи о первыхъ Капетингахъ, другой—изъ исторіи Испаніи, третій—о сравненіи русской лѣтописи съ западной. Не легко было отвѣтить на всѣ эти вопросы безъ приготовленія, не зная, что они будутъ заданы, но Соловьеву помогли его заграничныя занятія, его обширное знакомство съ всеобщей исторіей. Грановскій написалъ на экзаменаціонномъ листѣ, что Соловьевъ обнаружилъ большую начитанность, но что онъ затрудняется въ изложеніи,—это былъ намекъ на то, что онъ неспособенъ занимать каѳедру.

Второй экзаменъ изъ русской исторіи былъ менѣе удаченъ. За неимѣніемъ спеціалиста въ университетѣ, пригласили Погодина. Онъ задалъ экзаменующемуся удивительный вопросъ: изложить исторію отношеній Россіи къ Польшѣ съ древнѣйшихъ до послѣд-

нихъ временъ. На такой вопросъ ни самъ Погодинъ, ни кто другой не могъ бы отвѣтить удовлетворительно по той простой причинѣ, что въ то время какъ исторія Польши, такъ и новая русская исторія послѣ вступленія на престолъ Михаила Ѳеодоровича оставались совершенно неразработанными. Чтобы выдержать подобный экзаменъ, нужно было много лѣтъ просидѣть въ архивахъ и изучить нигдѣ ненапечатанные документы, что впослѣдствіи и сдѣлалъ Соловьевъ, но въ 1845 г. не было книгъ, по которымъ можно было бы уяснить себѣ отношенія Россіи къ Польшѣ за цѣлыхъ 900 лѣтъ, Соловьевъ старался уклониться въ сторону, показать свое знаніе собственно русской исторіи; Погодинъ останавливалъ его, требуя, чтобы онъ говорилъ только объ отношеніяхъ къ Польшѣ. Понятно, что присутствовавшіе профессора остались недовольны и заявили, что отвѣтъ—гимназическій, а не такой, какъ требуется отъ магистра, и что изъ такого отвѣта не видно, можетъ ли экзаменующійся занять профессорскую каѳедру.

Еще неудачнѣе прошелъ экзаменъ по политической экономіи вслѣдствіе того, что Соловьевъ не успѣлъ подробно заняться этой наукой и вслѣдствіе недоброжелательства профессора Чивилева.

Единственный человѣкъ, который продолжалъ хорошо относиться къ Соловьеву, это былъ попечитель, гр. Строгановъ. Къ нему-то отправился Соловьевъ и, выслушавъ жалобу на неудачный экзаменъ, прямо объяснилъ ему, что онъ считалъ нелѣпымъ заниматься подробнымъ изученіемъ статистики и политической экономіи вмѣсто того, чтобы писать диссертацію, которая должна показать его права на каѳедру; что же касается до страннаго вопроса по русской исторіи, онъ въ этомъ не виноватъ. Строгановъ понялъ, въ чемъ дѣло, и, убѣдившись, что во всемъ виновата погодинская интрига, въ которой Соловьевъ непричастенъ, ободрилъ молодого человѣка и далъ ему понять, что участь его будетъ зависѣть отъ диссертаціи, а не отъ экзамена.

Соловьевъ собирался первоначально написать книгу объ Іоаннѣ III, но, занявшись Новгородомъ, онъ замѣтилъ, что для уясненія послѣднихъ судебъ этого города и уничтоженія его вольности необходимо прослѣдить отношенія Новгорода къ великимъ князьямъ, и такимъ образомъ онъ написалъ диссертацію «Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ». Въ началѣ великаго поста Соловьевъ подалъ диссертацію декану, а тотъ препроводилъ ее Погодину, который долженъ былъ дать о ней отзывъ, такъ какъ въ факультетѣ не было компетентнаго лица. Прошло около двухъ мѣсяцевъ, Со-

ловьевъ ничего не зналъ объ участи, ожидающей его работу; жизнь онъ велъ одинокую и чуждался профессорскихъ кружковъ, гдѣ имѣли о немъ не слишкомъ лестное мнѣніе. Въ четвергъ на Страстной, гуляя по Арбату, онъ встрѣтился съ Грановскимъ и Кавелинымъ. Грановскій съ насмѣшливой улыбкой спросилъ Соловьева:

— Что же ваша диссертація?

Соловьевъ удивился такому вопросу, потому что Грановскій былъ секретаремъ факультета.

— Давно подана,—отвѣтилъ онъ.

— Какъ—подана? возразилъ Грановскій все съ тою же насмѣшливой улыбкой,—никто въ факультетѣ не знаетъ объ этомъ.

Соловьевъ объяснилъ, что его работа препровождена къ Погодину, и послѣ Пасхи зашелъ къ нему съ просьбою возвратить наконецъ диссертацію въ факультетъ съ своимъ объ ней мнѣніемъ, чтобы рѣшился вопросъ, считаютъ ли ее достойной ученой степени, или нѣтъ. На эту просьбу Погодинъ отвѣчалъ слѣдующее:

— Я долго думалъ, какъ объявить вамъ мое мнѣніе о вашей диссертаціи, ибо я чувствую, какъ тяжело должно быть для васъ на первый разъ, при первомъ опытѣ, выслушать отзывъ не лестный: диссертація ваша, какъ магистерская диссертація, очень хороша, но какъ профессорская—вполнѣ неудовлетворительна; приступъ блестящій, правда есть кое-что новое, чѣмъ я и самъ воспользуюсь, но въ изложеніи нѣтъ перспективы; повторяю, трудъ прекрасный, какъ магистерская диссертація, но какъ профессорская не годится.

Соловьевъ возразилъ совершенно основательно, что ни о какой профессорской диссертаціи не должно быть рѣчи; онъ желаетъ получить ученую степень, и если Погодинъ находитъ его работу удовлетворительной, пусть онъ сдѣлаетъ соотвѣтствующую надпись, и факультетъ больше не будетъ безпокоить его. Тогда Погодинъ сталъ отнѣкиваться, говорилъ, что напишетъ на диссертаціи только «читалъ». Но Соловьевъ настаивалъ:

— Если вы говорите прямо, что диссертація удовлетворительна, почему вы не хотите этого написать?

Погодинъ вынужденъ былъ уступить и написалъ на диссертаціи: «читалъ и одобряю».

Погодинъ проговорился: онъ ничего не имѣлъ противъ Соловьева, если бы тотъ согласился стать его прислужникомъ, но признать его способнымъ къ профессорскому званію онъ не хотѣлъ: ему желательно было, чтобы каѳедра русской исторіи пустовала и чтобы его упросили вновь занять ее.

— Вотъ еслибы я былъ опять профессоромъ,—говорилъ онъ однажды Соловьеву,—а вы у меня адъюнктомъ, то мы бы устроили такъ: когда бы мнѣ не поздоровилось, или такъ почему-нибудь я не былъ бы расположенъ читать, то я давалъ бы вамъ знать, о чемъ слѣдуетъ читать, и вы эту лекцію читали бы за меня.

Понятно, что Соловьевъ не соглашался на такую унизительную роль, и Погодину оставалось одно—не пускать его по возможности въ университетъ.

Старанія его однако не увѣнчались успѣхомъ. Какъ только диссертація попала вновь въ руки Соловьева, она была передана Грановскому, а тотъ, не считая себя достаточно свѣдущимъ въ русской исторіи, отдалъ ее на разсмотрѣніе Кавелину, тогда только что начинавшему свою ученую дѣятельность и читавшему на юридическомъ факультетѣ исторію русскаго законодательства. Кавелинъ пришелъ въ восторгъ отъ работы: въ ней не было славянофильскаго направленія, чего онъ опасался, но замѣтно было критическое отношеніе къ источникамъ и широта взгляда. Диссертація Соловьева представляла дѣйствительное замѣчательное явленіе, въ ней проведена была новая теорія о старыхъ и новыхъ городахъ. Восторгъ свой Кавелинъ изложилъ на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ».

«Вышло новое, весьма замѣчательное сочиненіе г. Соловьева,— писалъ онъ,— объ одной изъ самыхъ сбивчивыхъ, запутанныхъ эпохъ и сторонъ древней русской исторіи. Это сочиненіе—диссертація на степень магистра. Главная ея задача, какъ видно изъ заглавія,—опредѣлить, въ какихъ отношеніяхъ находился Новгородъ къ великимъ князьямъ древней Россіи, отъ такъ называемаго начала русской исторіи до окончательнаго покоренія Новгорода Іоанномъ III. Эта задача рѣшена прекрасно. Соловьевъ не удовольствовался общими мѣстами и пустыми разсужденіями, а раскрылъ лѣтописи, тщательно свѣрилъ ихъ, вникъ очень подробно въ отношенія князей и княжескихъ линій Рюрикова дома, какъ между собой, такъ и къ Новгороду, и изложилъ эти отношенія исторически, слѣдя изъ года въ годъ за однообразными, скучными перемѣнами князей въ Новгородѣ и борьбой князей, когда она могла пояснить новгородскія событія. Одна эта чисто историческая или, лучше, фактическая часть диссертаціи—большая заслуга автора. Пора же наконецъ видѣть событія старой Руси, разсказанныя или просто, или критически, но безъ вычуръ, безъ литературныхъ прикрасъ, какими испещрена исторія Карамзина. Еслибы Соловьевъ ограничился однимъ этимъ, мы и тогда

сказали бы ему спасибо за многія новыя и дѣльныя замѣчанія, за прекрасное изложеніе, за строго-фактическій разсказъ исторіи новгородскихъ князей и за добросовѣстное рѣшеніе вопроса, основанное на тщательномъ изученіи источниковъ. Но Соловьевъ сдѣлалъ гораздо болѣе. По поводу внутренняго устройства Новгорода и его отношеній къ князьямъ, онъ высказалъ совершенно новый, замѣчательно оригинальный взглядъ на весь періодъ удѣловъ. Кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ нашими источниками, знаетъ взгляды или лучше отсутствіе всякихъ взглядовъ на древнюю русскую исторію, тотъ конечно оцѣнитъ мысль Соловьева. Не говоря уже о томъ, что въ ней много поразительно вѣрнаго, остроумно-подмѣченнаго, она потому заслуживаетъ особеннаго вниманія, что представляетъ первую серьезную попытку понять и объяснить постепенное развитіе древней русской жизни. Этого до Соловьева никто еще не дѣлалъ, по крайней мѣрѣ печатно, не исключая самого Карамзина». Рецензію свою Кавелинъ закончилъ слѣдующими словами: «Мы не усомнимся сказать, что трудъ г. Соловьева самъ по себѣ составляетъ эпоху въ области изслѣдованій о русскихъ древностяхъ и подаетъ радостныя надежды въ будущемъ. Намъ остается поблагодарить автора и пожелать ему для него и для насъ, чтобы продолженіе его историко-литературнаго и ученаго поприща было такъ же блистательно, такъ же обильно результатами, какъ начало».

Прежде чѣмъ напечатать свой отзывъ, Кавелинъ говорилъ то-же самое въ университетскихъ кружкахъ, и отношеніе профессоровъ къ Соловьеву совершенно измѣнилось: западники приняли его съ распростертыми объятіями. Когда Соловьевъ пріѣхалъ къ Грановскому, онъ встрѣтилъ его комплиментами, сознаваясь, что сужденіе свое основываетъ на словахъ Кавелина.

— А что Погодинъ говоритъ о вашей диссертаціи?—спросилъ Грановскій.

Соловьевъ передалъ знаменательныя слова Погодина объ отношеніяхъ диссертаціи къ магистерству и докторству. Грановскій не удержался:

— Подлецъ!—сказалъ онъ.

Строгановъ очень обрадовался такому ходу дѣла, онъ съ восторгомъ слушалъ похвалы труду Соловьева отъ тѣхъ самыхъ лицъ, которыя прежде отзывались не слишкомъ лестно о молодомъ ученомъ. Попечитель былъ очень доволенъ, что можетъ замѣстить Погодина молодымъ человѣкомъ, вполнѣ достойнымъ, и потому приказалъ Со-

ловьеву готовиться къ чтенію лекціи. При этомъ случаѣ Соловьевъ выказалъ благородство своего характера: онъ не считалъ себя вправѣ сердиться на Погодина за то только, что тотъ не призналъ его диссертацію достойной профессорской каѳедры, и счелъ своей обязанностью предупредить профессора, старавшагося повредить ему, о томъ, что̀ готовится въ Московскомъ университетѣ. Поэтому, зайдя къ Погодину, онъ откровенно сказалъ ему:

— Знаю, что вы желаете занять опять каѳедру, но Строгановъ велѣлъ мнѣ приготовляться къ лекціямъ; имѣйте это въ виду и принимайте какія-нибудь мѣры.

Погодинъ отвѣтилъ на это слѣдующей колкостью:

— Не знаю, чего хочетъ Строгановъ. Хочетъ ли онъ, чтобы вы были при мнѣ адъюнктомъ или при комъ-нибудь другомъ? Слышалъ я, что онъ думалъ о переводѣ сюда Иванова изъ Казани; можетъ-быть онъ хочетъ, чтобы вы при Ивановѣ были адъюнктомъ.

Погодинъ хотѣлъ уязвить Соловьева и сказать ему, что самостоятельнымъ преподавателемъ онъ все равно быть не можетъ. Понятно, что при такомъ отношеніи учителя къ ученику между ними не могли продолжаться дружелюбныя отношенія.

29-го іюля деканъ созвалъ факультетъ и объявилъ, что въ немъ находятся двѣ вакантныя каѳедры: философіи и русской исторіи, и что попечитель предлагаетъ двухъ кандидатовъ: Каткова и Соловьева. Катковъ былъ избранъ единогласно на каѳедру философіи, но когда дошла очередь до Соловьева, Шевыревъ объявилъ, что странно будетъ факультету выбирать на такую важную каѳедру молодого, ничѣмъ неизвѣстнаго человѣка, когда знаменитый ученый Погодинъ, чувствуя, что его здоровье поправилось, желаетъ опять занять прежнее мѣсто. Большинствомъ голосовъ однако постановили выбрать Соловьева, поручивъ при этомъ декану спросить Погодина, на какихъ условіяхъ тотъ желаетъ опять читать лекціи. Давыдовъ предложилъ Погодину читать лекціи для желающихъ, въ качествѣ привать-доцента, безо всякаго вознагражденія. Погодинъ принялъ это конечно за оскорбленіе и отвѣтилъ грубымъ письмомъ въ факультетъ.

Въ сентябрѣ 1845 г. Соловьевъ началъ чтеніе лекцій въ качествѣ преподавателя, и его двѣ первыя лекціи, заключавшія обзоръ всей русской исторіи, произвели благопріятное впечатлѣніе на присутствовавшихъ профессоровъ.

— Мы всѣ вступили на каѳедру учениками, — сказалъ Грановскій, — а Соловьевъ вступилъ уже мастеромъ своей науки.

— Дай Богъ, чтобы Погодинъ кончилъ такъ, какъ этотъ началъ, — замѣтилъ Строгановъ.

Въ октябрѣ состоялся диспутъ Соловьева, прошедшій блистательно. Непріятное впечатлѣніе произвело только неприличное поведеніе Погодина. Онъ объявилъ, что пріѣхалъ только съ тѣмъ, чтобы изложить свое мнѣніе о диссертаціи, а не съ тѣмъ, чтобы спорить; поэтому онъ не желаетъ слышать никакихъ возраженій Соловьева и не обратитъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Деканъ однако предложилъ Соловьеву защищаться, такъ какъ въ этомъ и заключается смыслъ диспута, и ему нетрудно было разбить главнѣйшіе доводы Погодина.

Казалось бы, что послѣ всего этого отношенія между учителемъ и ученикомъ должны были бы окончательно прекратиться, но добродушный Соловьевъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ диспута все таки сталъ заходить къ Погодину и выслушалъ отъ него разные укоры.

— Ваши два пріѣзда ко мнѣ произвели на меня пріятное впечатлѣніе, — сказалъ Погодинъ, — я подумалъ, молодой человѣкъ еще не огрубѣлъ; но скажите, развѣ хорошо вы со мной поступили?

— Вы прежде скажите мнѣ, что дурного я сдѣлалъ по отношенію къ вамъ? — отвѣтилъ Соловьевъ.

— Вы мнѣ привезли экземпляръ своей диссертаціи безо всякой надписи, тогда какъ я видѣлъ, что другимъ вы надписали: какому-нибудь Ефремову и тому надписали.

— Но видѣли вы экземпляры моей диссертаціи у членовъ факультета? — спросилъ Соловьевъ, — ни у одного изъ нихъ вы не найдете съ надписью, ибо надписывать я имѣлъ право только тѣмъ, кому дарилъ, кому могъ и не дать, тогда какъ лицамъ оффиціальнымъ, каковы члены факультета, я обязанъ былъ дать по экземпляру; они получили экземпляры, такъ сказать, казенные, а не отъ меня въ даръ. Васъ я также причисляю къ лицамъ оффиціальнымъ, вы были экзаменаторомъ. Но скажу прямо: конечно вы получили бы экземпляръ съ надписью очень для васъ лестной, еслибы не такъ поступили со мной, еслибы черная кошка не пробѣжала между нами.

— А это хорошо съ вашей стороны, — продолжалъ Погодинъ, — начать первую лекцію и не сказать ни слова обо мнѣ, вашемъ предшественникѣ?

— Рѣшительно въ голову не пришло,—отвѣтилъ Соловьевъ.

Но еслибы ему это и пришло въ голову, онъ очутился бы въ большомъ затрудненіи, потому что не могъ сказать ничего хорошаго о Погодинѣ, какъ о профессорѣ.

Погодинъ говорилъ о пустякахъ, умалчивая о своемъ главномъ обвиненіи противъ Соловьева,—о томъ, что онъ навсегда отнялъ у него профессорскую каѳедру.

Несмотря на то, что Соловьевъ читалъ шесть лекцій въ недѣлю, онъ энергично принялся за докторскую диссертацію и успѣлъ написалъ ее лѣтомъ 1846 г. Въ 1847 г. она была напечатана и составила большую книгу въ 700 страницъ подъ заглавіемъ «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома». Надо удивляться, какимъ образомъ Соловьевъ успѣлъ за такое короткое время изготовить это обширное сочиненіе, гдѣ онъ критически обслѣдовалъ наши лѣтописи, княжескіе договоры и другіе документы съ древнѣйшихъ временъ до Іоанна IV, гдѣ представилъ новую теорію, объясняющую общій ходъ русской исторіи за указанный періодъ. Введеніе должно было привлечь вниманіе историка новизною взглядовъ.

«Мы привыкли,—говоритъ авторъ,—къ выраженіямъ: раздѣленіе Россіи на удѣлы, удѣльные князья, удѣльный періодъ, удѣльная система, исчезновеніе удѣловъ при Іоаннѣ III. Употребляя эти выраженія, мы необходимо даемъ знать, что Россія, начиная отъ смерти Ярослава I до конца XVI вѣка, была раздѣлена, ставимъ удѣлъ на первомъ планѣ, даемъ главную роль; за удѣлъ идутъ всѣ борьбы, около удѣла вращается вся исторія, если періодъ называется удѣльнымъ, если господствуетъ удѣльная система. Но раскроемъ лѣтописи отъ временъ Ярослава до XIII вѣка: идетъ ли въ нихъ рѣчь объ удѣлахъ? встрѣчаемъ ли въ нихъ рѣчь объ удѣлахъ? встрѣчаемъ ли выраженіе: удѣльный князь и великій? Происходитъ ли борьба за удѣлъ, за распространеніе, усиленіе одного удѣла на счетъ другого, раздѣлена ли наконецъ Россія? Нисколько; всѣ князья суть члены одного рода, вся Русь составляетъ нераздѣльную родовую собственность; идетъ рѣчь о томъ, кто изъ князей старше, кто моложе въ родѣ: за это всѣ споры, всѣ междоусобія. Владѣніе, города, области имѣютъ значеніе второстепенное, имѣютъ значеніе только въ той степени, въ какой соотвѣтствуютъ старшинству князей, ихъ притязаніямъ на старшинство, и потому князья безпрестанно мѣняютъ ихъ. Интересъ собственника вполнѣ подчиненъ интересу родича. Вмѣсто раздѣленія, которое необходимо связано съ понятіемъ объ удѣлѣ, мы видимъ единство княжескаго рода. Въ лѣтописи вы не находите отношеній великаго князя къ удѣльнымъ; вы находите только отношенія отца къ сыновьямъ, старшаго брата—къ младшимъ, дядей—къ племянникамъ; даже самое слово «удѣлъ» мы не встрѣчаемъ въ лѣтописи; если не было понятія о раздѣлѣ, о выдѣлѣ, объ отдѣльной собствен-

ности, то не могло быть и слова для его выраженія; когда же на сѣверѣ явилось понятіе объ отдѣльной собственности, то явился и удѣлъ; до этого же времени мы встрѣчаемъ только слова: «волость» и «столъ». Такимъ образомъ выраженія: удѣльный періодъ, удѣльная система, приводятъ къ совершенно ложному, обратному представленію, выставляя господство удѣла, владѣнія, отдѣльной собственности въ то время, когда господствовали родовыя отношенія при нераздѣльной родовой собственности. Единство Ярославова рода рушится, и Русь дѣлится на нѣсколько княжествъ, каждое съ своимъ великимъ княземъ, потому что великій князь означаетъ только старшаго въ княжескомъ родѣ, и если родъ Ярослава раздробился на нѣсколько особыхъ родовъ, то каждый родъ долженъ былъ имѣть особаго старшаго,—явилось нѣсколько великихъ князей. Начинается борьба между отдѣльными княжествами; цѣль этой борьбы — пріобрѣтеніе собственности, усиленіе одного княжества на счетъ другихъ, подчиненіе всѣхъ княжествъ одному сильнѣйшему; борьба оканчивается усиленіемъ княжества московскаго, подчиненіемъ ему всѣхъ остальныхъ. Несмотря однако на то, что, начиная съ XIII вѣка, Русь точно раздѣляется на нѣсколько особыхъ княжествъ, и при господствѣ понятія объ отдѣльной собственности, объ удѣлѣ встрѣчаемъ частое упоминаніе, являются отношенія между удѣльными князьями и великими, возникаетъ борьба между ними, стремленіе великихъ князей уничтожить удѣлы,—несмотря на все это, и здѣсь названія: удѣльный періодъ, удѣльная система не могутъ имѣть мѣста, ибо Русь раздѣляется не на удѣлы, а на нѣсколько независимыхъ княжествъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ своего великаго князя и своихъ удѣльныхъ князей, и отношенія между великими князьями играютъ столь же важную роль, какъ и отношенія великихъ князей къ ихъ удѣльнымъ; слѣдовательно, названіе удѣльнаго періода и удѣльной системы и здѣсь также невѣрно, потому что не обнимаетъ всѣхъ сторонъ княжескихъ отношеній. Вотъ причины, которыя заставляютъ исключить названія: удѣльный періодъ и удѣльная система изъ исторіи княжескихъ отношеній и вмѣсто того принять выраженія опредѣленнѣйшія: отношенія родовыя и отношенія государственныя.

Но если несправедливо названіе: удѣльный періодъ, то еще менѣе справедливо названіе монгольскаго періода. Это названіе можетъ быть допущено только тогда, когда мы беремъ одну нѣшнюю сторону событій, не слѣдя за внутреннимъ, государственнымъ развитіемъ Россіи; мы не имѣемъ никакого основанія ставить монгольскія отношенія на первомъ планѣ, приписывать азіатской ордѣ такое сильное вліяніе на развитіе европейско-христіанскаго общества. Названіе монгольскаго періода должно быть исключено изъ русской исторіи, потому что мы не можемъ приписать монголамъ самаго сильнаго вліянія на произведеніе тѣхъ явленій, которыми отличается наша исторія, начиная съ XIII вѣка; новый порядокъ вещей начался гораздо прежде монголовъ и развивался естественно вслѣдствіе причинъ внутреннихъ, при пособіи разныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, въ числѣ которыхъ были и монгольскія отношенія, но не подъ исключительнымъ ихъ вліяніемъ. Отстранивъ названіе удѣльнаго періода, дававшее невѣрное понятіе о характерѣ нашей древней исторіи, о характерѣ княжескихъ отношеній; отстранивъ равно названіе монгольскаго періода, который незаконно

разсѣкалъ исторію княжескихъ отношеній на двѣ части и тѣмъ самымъ прерывалъ для историка естественную связь событій, естественное развитіе общества изъ самого себя,—мы приступимъ къ изложенію исторіи княжескихъ отношеній, раздѣливъ весь трудъ на четыре отдѣла: 1-й отдѣлъ будетъ заключать пространство времени отъ призванія Рюрика до Андрея Боголюбскаго; здѣсь княжескія отношенія носятъ характеръ чисто родовой. 2-й отдѣлъ обниметъ событія отъ Андрея Боголюбскаго до Іоанна Калиты; здѣсь обнаруживается стремленіе смѣнить родовыя отношенія, вслѣдствіе чего начинается борьба между князьями сѣверной и южной Руси, преслѣдующими противоположныя цѣли. Эта борьба послѣ раздробленія рода смѣняется борьбою отдѣльныхъ княжествъ съ цѣлью усиленія одного на счетъ другого; окончательная побѣда остается на сторонѣ княжества московскаго. Въ 3-мъ отдѣлѣ изложатся событія, имѣвшія мѣсто отъ Іоанна Калиты до Іоанна III; вслѣдствіе усиленія московскаго княжества, стремящагося подчинить себѣ всѣ другія, сѣверо-восточная Русь сосредоточивается около одного пункта — Москвы, въ то же время Русь юго-западная сосредоточивается также около одного пункта — Литвы; обѣ половины Руси, въ челѣ которыхъ стоятъ двѣ различныя династіи, вступаютъ въ борьбу между собой, но отношенія польскія сдерживаютъ дѣятельность литовскихъ князей относительно Востока, а между тѣмъ московскіе владѣтели все болѣе и болѣе даютъ силы государственнымъ отношеніямъ надъ родовыми. 4-й отдѣлъ, отъ Іоанна III до пресѣченія Рюриковой династіи, представитъ окончательное торжество государственныхъ отношеній надъ родовыми,—торжество, купленное страшной, кровавой борьбой съ издыхающимъ порядкомъ вещей».

Кавелинъ вполнѣ оцѣнилъ этотъ замѣчательный трудъ и отозвался о немъ самымъ лестнымъ образомъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Современникѣ.» Кавелину нравилось то, что Соловьевъ не только подбираетъ факты, но старается объяснить общій ходъ русской исторіи. Погодинъ находилъ, что это безполезный трудъ, что историкъ долженъ ограничиваться выборкой изъ лѣтописей, не строя никакихъ системъ, не увлекаясь никакими теоріями, т. е. оставаясь сухимъ лѣтописцемъ, каковымъ онъ былъ самъ. Докторскую диссертацію Соловьева онъ назвалъ собраніемъ парадоксовъ, но тутъ же до нѣкоторой степени уничтожилъ самого себя, говоря: «Я не прочелъ всей книги, потому что видѣлъ съ первыхъ страницъ путь непрямой, путь, неведущій къ цѣли» (т. е. къ цѣли науки). Погодинъ обвинялъ Соловьева въ поспѣшности: «Какъ г. Кавелинъ приступаетъ къ исторіи съ готовыми мыслями, — писалъ онъ,—такъ г. Соловьевъ употребляетъ въ дѣло первыя ему попавшіяся въ голову. Иначе и нельзя бы рѣшить въ одинъ годъ столько вопросовъ: и объ удѣлахъ, и о родовыхъ отношеніяхъ, и о мѣстничествѣ, и о Новгородѣ, и проч., и пр». Учителю непріятно было, что

его молодой ученикъ рѣшилъ много вопросовъ, такъ какъ онъ самъ за двадцать лѣтъ ни одного вопроса не рѣшилъ.

Соловьевъ получилъ за свою диссертацію ученую степень доктора историческихъ наукъ и вслѣдъ за этимъ былъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ, а въ 1850 г.—ординарнымъ. До самой смерти жилъ онъ почти безвыѣздно въ Москвѣ, переселяясь только на лѣто на какую-нибудь подмосковную дачу. Жизнь его не была богата событіями, такъ какъ онъ всю ее посвятилъ наукѣ и Московскому университету, гдѣ занималъ каѳедру болѣе 30 лѣтъ. Такъ какъ невозможно жить на профессорское жалованье, то Соловьевъ занималъ и другія должности, сначала инспектора Николаевскаго института, а затѣмъ—директора Оружейной Палаты. Кромѣ того онъ преподавалъ русскую исторію членамъ Императорской фамиліи. Уже незадолго до смерти Соловьева Академія Наукъ, гдѣ каѳедру исторіи занималъ Погодинъ, признала наконецъ его ученыя заслуги и избрала его въ ординарные академики по русскому отдѣленію.

Соловьевъ справедливо возставалъ противъ крайней спеціализаціи въ занятіяхъ и желалъ, чтобы высшее образованіе давало молодымъ людямъ не только спеціальныя познанія, но и общее развитіе. Это видно изъ рѣчи, сказанной имъ 1-го ноября 1872 г. при открытіи высшихъ женскихъ курсовъ въ Москвѣ.

«Мы предлагаемъ,—говорилъ Соловьевъ,—высшіе курсы не факультетскіе, но курсы предметовъ общаго образованія. Почему же мы вамъ предлагаемъ такіе курсы и ихъ считаемъ необходимыми для васъ? Да потому, что мы считаемъ себя обязанными по мѣрѣ силъ нашихъ содѣйствовать избавленію русской женщины отъ тѣхъ неудобствъ, которыя терпятъ множество русскихъ мужчинъ, принадлежащихъ къ такъ называемому образованному классу,—отъ неудобствъ, проистекающихъ вслѣдствіе недостатка общаго высшаго образованія. Извѣстно, что сущность цивилизаціи состоитъ въ раздѣленіи занятій: дикарь дѣлаетъ самъ все для него нужное; человѣкъ цивилизованный дѣлаетъ что-нибудь одно и потому можетъ совершенствовать свой трудъ, и такъ какъ относительно всѣхъ остальныхъ необходимыхъ вещей онъ находится въ зависимости отъ своихъ собратій, то здѣсь образуется тѣсная общественная связь, источникъ общественнаго развитія. Но въ дѣлахъ человѣческихъ гдѣ свѣтъ, тамъ и тѣнь, и при блестящихъ успѣхахъ цивилизаціи, условленныхъ раздѣленіемъ занятій, люди проницательные уже давно стали указывать на печальныя слѣдствія этого доводимаго до крайности раздѣленія занятій, указывали, какъ человѣкъ, занятый постоянно одним и тѣмъ же дѣломъ, тупѣетъ, превращается въ машину, тогда какъ духовныя силы развиваются подъ условіемъ простора, расширенія горизонта, многообразія предметовъ, доступныхъ познаванію и дѣятельности. Одинаково печальны бываютъ слѣдствія, когда чело-

вѣкъ разбрасывается по множеству предметовъ и подавляется этимъ множествомъ и когда при исключительномъ занятіи однимъ какимъ-нибудь дѣломъ даетъ изсякать своимъ духовнымъ силамъ, не возстановляя ихъ необходимой перемѣной занятія. Сказанное вообще прилагается и къ раздѣленію научныхъ занятій: обыкновенно по окончаніи курсовъ общаго образованія въ приготовительныхъ школахъ стремятся въ высшія спеціальныя учрежденія, чтобы посвятить себя изученію извѣстнаго круга предметовъ; но это слишкомъ поспѣшное ограниченіе себя извѣстною спеціальностью приноситъ очень часто горькіе плоды; самое глубокое изученіе своей спеціальности и извѣстные успѣхи въ ней не спасутъ человѣка отъ односторонности, остановки въ развитіи, отупѣнія, и спеціалистъ въ наукѣ нисходитъ на степень спеціалиста въ ремеслѣ; онъ поражаетъ незнаніемъ самыхъ обыкновеннымъ предметовъ, задаетъ дѣтскіе вопросы, сидитъ глухъ и нѣмъ при рѣшеніи вопросовъ общественнаго интереса, или, что еще хуже, мужъ, посѣдѣвшій въ трудахъ, принимаетъ первое накрикнутое ему мнѣніе и повторяетъ его; часто старикъ идетъ въ ученики къ ребенку, отъ него старается узнать, какое послѣднее новенькое мнѣніе существуетъ относительно того или другого предмета, и легко понять, какія удивительныя вещи получаетъ въ отвѣтъ: онъ или повторяетъ безсмыслицу, или съ ужасомъ начинаетъ жаловаться на науку, до чего она дошла въ последнее время, чему это учатъ молодыхъ людей; иной старается усвоить себѣ новенькое, самое цвѣтное мнѣніе точно такъ, какъ человѣкъ, пріѣхавшій изъ глуши въ столицу, увидитъ человѣка пестро одѣтаго и считаетъ его за перваго столичнаго франта, законодателя моды, облачится въ пестроту и думаетъ, что одѣлся по послѣдней модѣ, съ отличнымъ вкусомъ. Такимъ образомъ общаго образованія, доставляемаго приготовительными школами, оказывается недостаточнымъ, ибо онѣ имѣютъ главной задачей развитіе умственныхъ способностей для приготовленія къ дальнѣйшему занятію науками въ спеціальныхъ учрежденіяхъ,—обращается особенное вниманіе на предметы, наиболѣе содѣйствующіе достиженію этой цѣли,—для занятія предметами высшаго общаго образованія у нихъ нѣтъ времени, да и возрастъ учащихся тому препятствуетъ; а именно тогда, когда молодой человѣкъ выросъ, окрѣпъ, развилъ свои способности посредствомъ предметовъ приготовительной школы, когда получилъ возможность съ успѣхомъ заняться предметами высшаго общаго образованія, столь необходимыми для правильности его гражданской мысли и дѣятельности, именно тогда онъ углубляется въ какую нибудь спеціальность и безъ высшаго общаго образованія подвергается опасности снизойти на степень ремесленника. Разумѣется, есть натуры избранныя, которыя не могутъ чувствовать себя очень удобно въ тѣсномъ помѣщеніи своей спеціальности, и потому стараются пріобрѣсти свѣдѣнія своими средствами, съ большимъ трудомъ и препятствіями, въ предметахъ общаго высшаго образованія, отчего они становятся съ одной стороны полноправными членами общества съ голосомъ, а съ другой—пріобрѣтаютъ могущественныя средства для успѣховъ въ своей спеціальности; но такія явленія составляютъ къ несчастію исключенія; а мы должны имѣть дѣло съ большинствомъ, да и для всѣхъ вообще важно имѣть средство съ наименьшими усиліями и препятствіями пріобрѣтать свѣдѣнія въ предметахъ высшаго общаго

образованія, при указаніи и руководствѣ людей болѣе опытныхъ. Такимъ образомъ необходимость правильно организованныхъ курсовъ общаго высшаго образованія есть потребность нудящая».

Сообразно съ такимъ взглядомъ на высшее образованіе, Соловьевъ старался въ своихъ университетскихъ лекціяхъ не только давать студентамъ полезныя свѣдѣнія, но прежде всего развивать ихъ, и потому придавалъ своему курсу философскій характеръ. Не утомляя слушателей подробнымъ изложеніемъ фактовъ, онъ останавливался на такъ называемой внутренней исторіи, выясняя, какое значеніе имѣла природа Россіи для ея исторіи, слѣдя за отношеніями между князьями въ такъ называемый удѣльный періодъ, объясняя, какое значеніе имѣло татарское иго, почему столица перенесена была съ юга на сѣверъ, какъ сложилось самодержавіе, какъ вслѣдствіе борьбы казачества съ земскими людьми наступило смутное время, почему необходима была реформа Петра и въ какой связи она находилась съ предыдущимъ временемъ. Профессоръ старался найти законы, по которымъ развивалась русская исторія, и постоянными сравненіями съ исторіей западной Европы давалъ своимъ слушателямъ богатый матеріалъ для выводовъ, заставлялъ ихъ думать, расширялъ ихъ умственный горизонтъ. Чтобы познакомить читателей съ изложеніемъ Соловьева на каѳедрѣ, приведу для примѣра одно мѣсто изъ его ненапечатанныхъ лекцій, гдѣ онъ говоритъ о реформѣ Петра Великаго.

«Во второй половинѣ XVII вѣка русскій народъ явственно тронулся на новый путь; послѣ многовѣковаго движенія на Востокъ, онъ началъ поворачивать на Западъ, — поворотъ, который долженъ былъ необходимо вести къ страшному перевороту, болѣзненному перелому въ жизни народной, въ существѣ народа, ибо здѣсь было сближеніе съ народами цивилизованными, у которыхъ надо было поучиться, которымъ надо было подражать. Вопросъ о томъ, могло ли сближеніе съ европейскими народами и воспринятіе цивилизаціи совершиться спокойно въ Россіи, постепенно, безъ увлеченія, рѣшается легко при внимательномъ наблюденіи общихъ законовъ историческихъ явленій. Можно ли себѣ представить, чтобы молодой, исполненный жизненныхъ силъ народъ,—сблизившись съ другими, превосходящими его народами, понявши чрезъ сравненіе недостатки своего быта,—не бросился вдругъ на все то, что̀ казалось ему лучшимъ у другихъ? Да и можно ли было медлить, когда несостоятельность его воли, несостоятельность матеріальная и нравственная были такъ живы? Западные европейскіе народы относительно цивилизаціи своей стояли высоко надъ русскимъ, который долженъ былъ итти къ нимъ въ ученье. Долговременное пребываніе въ удаленіи отъ западной Европы и ея цивилизаціи, крайность, исклю-

чительность одного направленія необходимо условливали крайность противоположнаго направленія, необходимость удовлетворить вдругъ всему должна была неминуемо сообщить нашему, такъ называемому, преобразованію характеръ революціонный, всесторонній. На Западѣ эти революціи были политическія, односороннія, боролись люди одной какой-нибудь партіи; у насъ въ Россіи революція прошла по чувству и уму человѣка, революція совершилась во всемъ русскомъ человѣкѣ; нѣкоторые думали, что Россія переодѣлась только, что въ этомъ только состояла революція, но внимательно присматриваясь, увидимъ, что русскій человѣкъ преобразовался внутри. Милліоны новыхъ предметовъ, понятій и отношеній тѣснятся въ умѣ русскаго человѣка, и онъ не слабѣетъ, онъ не умираетъ отъ прикосновенія къ цивилизаціи, потому что онъ не какъ слабый дикарь знакомится съ одной водкой, для слабой головы котораго міръ новыхъ понятій не по силамъ, а какъ человѣкъ, сознательно понявшій необходимость ученья.

«Извѣстно, что воспитатели и педагоги говорятъ: нельзя трудить слишкомъ ребенка, нельзя вбивать ему въ голову всего разомъ, представлять ему множество понятій и новыхъ отношеній, потому что можно заучить ребенка, умертвить его. То-же самое происходитъ и со взрослыми дикарями: они не переносятъ натиска новыхъ понятій, они заучиваются, такъ сказать, хирѣютъ, вымираютъ. Слѣдовательно, если народъ, не знавши цивилизаціи, вдругъ встрѣчается съ нею и не хирѣетъ, не дрожитъ передъ нею, а продолжаетъ жить усиленной жизнью, онъ силенъ,—а русскій человѣкъ выдержалъ натиски цивилизаціи въ началѣ XVIII вѣка. Преобразовательная дѣятельность должна была совершиться, она была необходима: народъ, отставшій отъ общаго хода европейской жизни, вмѣстѣ живой и молодой, не могъ не броситься въ погоню за цивилизаціей. Мы не можемъ упрекать человѣка, который до совершеннолѣтія по обстоятельствамъ жизни своей не могъ образовываться, а потомъ вдругъ усиленно начинаетъ хлопотать объ этомъ, тѣмъ болѣе, что эта поспѣшность находится въ связи съ его существованіемъ, а въ такомъ-то положеніи находилась Россія: безъ преобразованія она не могла существовать, преобразованіе, и преобразованіе спѣшное, было естественнымъ слѣдствіемъ и необходимымъ результатомъ всей древней русской исторіи. Если наша революція въ началѣ XVIII вѣка была необходимымъ условіемъ предшествовавшей исторіи, то изъ этого вполнѣ уясняется значеніе главнаго дѣятеля въ переворотѣ, Петра Великаго; онъ является вождемъ въ дѣлѣ, а не создателемъ дѣла, которое потому есть народное, а не личное, принадлежащее одному Петру.

«Великій человѣкъ есть всегда и вездѣ представитель своего народа, удовлетворяющій своей дѣятельностью извѣстнымъ потребностямъ народа въ извѣстное время. Формы дѣятельности великаго человѣка условлены исторіей, бытомъ народа, среди котораго онъ дѣйствуетъ. Чингисханъ и Александръ Македонскій — оба завоеватели, но какая разница между ними. Эта разница происходитъ отъ различія народовъ, которыхъ они были представителями. Дѣятельность великаго человѣка есть результатъ всей предшествовавшей исторіи народа; великій человѣкъ не насилуетъ свой народъ, не создаетъ того, что не потребно и невозможно для народа. При настоящихъ условіяхъ исторической науки

великій человѣкъ теряетъ свое божественное значеніе, не является существомъ созидающимъ и разрушающимъ по своему произволу.

«Иностранцы не безъ нѣкотораго, понятнаго впрочемъ, удовольствія повторяли и повторяютъ, что Петръ насильно и преждевременно цивилизовалъ русскихъ, что и не могло повести и даже никогда не поведетъ ни къ какому толку. Вооружаются вообще противъ преобразованій, идущихъ сверху. Мы не знаемъ будущаго, и потому не станемъ говорить о немъ, но для устраненія безплодныхъ толковъ опять обратимся къ сравненіямъ изъ прошедшаго. Въ настоящее время ни одинъ изъ европейскихъ писателей, вѣрующій или невѣрующій, не станетъ отрицать цивилизующаго значенія христіанства; каждый европеецъ гордится тѣмъ, что христіанство пустило глубокіе корни преимущественно въ Европѣ, что доказываетъ высшее развитіе, большую крѣпость племенъ, населяющихъ эту часть свѣта. Но пусть-же припомнятъ исторію принятія христіанства европейскими народами, пусть припомнятъ, что обыкновенно дѣло шло сверху, принимали христіанство князь, дружина его, ближніе люди, и потомъ уже новая вѣра распространялась въ массѣ, причемъ не обходилось безъ ожесточенной борьбы, безъ страшнаго сопротивленія со стороны народа, отстаивавшаго старину, вѣру отцовскую. Что-же изъ этого слѣдуетъ?—То, что европейскіе народы были обращены въ христіанство насильно своими правительствами? Еще примѣръ ближайшій: въ Англіи король Генрихъ VIII вздумалъ отложиться отъ римской церкви; но извѣстно, какое сильное сопротивленіе встрѣтилъ онъ своему дѣлу, какія сильныя раздраженія, возстанія вельможъ и народа долженъ былъ онъ побороть; значитъ, англійскій народъ былъ насильно отторгнутъ отъ папы, и реформа, которой такъ гордятся англичане, была личнымъ дѣломъ Генриха VIII?

«Итакъ, они ошибаются: Россія сама повернула на новый путь, но, какъ нарочно, въ это-же время грусть и скука выгоняютъ молодого царя изъ дворца на улицу, въ новую сферу, гдѣ онъ окруженъ новыми людьми, гдѣ онъ—вождь новой дружины, разошедшейся съ прежнимъ бытомъ, съ прежними отношеніями. Безъ оглядки бѣжитъ онъ изъ скучнаго дворца чистымъ и свѣжимъ, новымъ человѣкомъ, и потому способнымъ окружить себя новыми людьми; онъ убѣжалъ отъ царедворцевъ и ищетъ товарищей, беретъ всякаго, кто покажется ему годнымъ для его дѣла. Образуется новое государство и, какъ обыкновенно бывало при этомъ, является дружина съ своимъ вождемъ, которая и движется, разрушая старое, созидая новое. Въ Петрѣ не было ничего, что старинные русскіе люди привыкли соединять со значеніемъ царя; это — герой въ античномъ смыслѣ, это—въ новое время единственная исполинская фигура, какихъ мы много видимъ въ туманной дали, при основаніи и устроеніи человѣческихъ обществъ».

«Для Соловьева, какъ и для Грановскаго,—говоритъ академикъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ,—исторія была наука, по преимуществу воспитывающая гражданина. Для того и для другого поучительный характеръ исторіи заключался не въ тѣхъ прямыхъ урокахъ, которыми любила щеголять исторіографія XVIII вѣка и которыми богаты

страницы Карамзина, гдѣ выставляются герои добродѣтели въ примѣръ для подражанія и чудовища порока, въ образецъ того, чего слѣдуетъ избѣгать. Нѣтъ, ни тотъ, ни другой изъ этихъ незабвенныхъ профессоровъ не считалъ исторію «Зеркаломъ добродѣтели», но каждый изъ нихъ имѣлъ другую цѣль: они старались воспитать въ своихъ слушателяхъ сознаніе вѣчныхъ законовъ историческаго развитія, уваженіе къ прошлому, стремленіе къ улучшенію и развитію въ будущемъ; они старались пробудить сознаніе того, что успѣхи гражданственности добываются трудомъ и медленнымъ процессомъ, что великіе люди суть дѣти своего общества и представители его, что имъ нужна почва для дѣйствія; не съ насмѣшкой сожалѣнія относились они къ прошлому, но съ стремленіемъ понять его въ немъ самомъ, въ его отношеніяхъ къ настоящему: «Спросимъ человѣка, съ кѣмъ онъ знакомъ,—и мы узнаемъ человѣка; спросимъ объ его исторіи,—и мы узнаемъ народъ.» Этими словами Соловьевъ началъ свой курсъ 1848 года, когда я имѣлъ счастье его слушать; въ исторіи народа мы его узнаемъ, но только въ полной исторіи, въ такой, гдѣ на первый планъ выступаютъ существенныя черты, гдѣ все случайное, несущественное отходитъ на второй планъ, отдается въ жертву собирателямъ анекдотовъ, любителямъ «курьезовъ и раритетовъ». Кто такъ высоко держалъ свое знамя, тотъ вѣрилъ въ будущее человѣчества, въ будущее своего народа и старался воспитывать подростающее поколѣніе въ этой высокой вѣрѣ. Съ этой-то воспитательной цѣлью такіе профессора держались преимущественно общихъ очерковъ, гдѣ въ мелочахъ не теряется общая мысль. Такимъ былъ всегда характеръ курсовъ Грановскаго, такимъ постепенно дѣлалъ свой курсъ Соловьевъ; но и на первыхъ своихъ шагахъ въ университетѣ онъ уже давалъ много мѣста общимъ соображеніямъ и выводамъ.»

Какъ горячо принималъ къ сердцу Соловьевъ университетскія дѣла, видно изъ слѣдующаго разсказа профессора Буслаева:

«Первымъ дѣломъ въ организаціи университетскаго самоуправленія (по введеніи университетскаго устава 1863 года) было рѣшить, кого избрать предсѣдателемъ Совѣта. Вопросъ этотъ на первыхъ-же порахъ сдѣлался яблокомъ раздора въ профессорской корпораціи. Одни хотѣли имѣть ректоромъ Соловьева, другіе —Баршева, и такимъ образомъ желанное единогласіе для общей пользы было нарушено и распалось на двѣ враждебныя партіи, на Соловьевскую и Баршевскую. Первая была гораздо малочисленнѣе послѣдней, поэтому ректоромъ былъ избранъ Баршевъ и оставался въ этой должности нѣ-

сколько трехлѣтій сряду. Ожесточенная вражда, не умолкавшая въ стѣнахъ университета, наконецъ опротивѣла мнѣ до нельзя. Она вредила и общему дѣлу, и была гибельна для отдѣльныхъ лицъ. Однажды въ засѣданіи Совѣта Соловьевъ, въ качествѣ декана, горячо защищалъ какое-то предложеніе или заявленіе филологическаго факультета отъ злостныхъ нападокъ со стороны враждебной партіи и до того былъ оскорбленъ и раздраженъ нахальствомъ и дерзостью своихъ противниковъ, что совсѣмъ изнемогъ, а воротившись домой, въ тотъ-же день слегъ въ постель и цѣлыя шесть недѣль прохворалъ въ нервной горячкѣ.» («Вѣстникъ Европы» 1892 г., мартъ).

Въ семидесятыхъ годахъ, когда измѣнилась профессорская корпорація, Соловьева нѣсколько разъ выбирали въ ректоры.

«Когда университетъ, говоритъ ученикъ и сослуживецъ Соловьева профессоръ Герье,—признавая его значеніе, избралъ его въ ректоры, для этого учрежденія наступила новая счастливая пора внутренняго развитія, оправдавшая начала, положенныя въ основаніе университетскаго устава 1863 года. Ректорство С. М. Соловьева было знаменемъ служенія однимъ только научнымъ интересамъ и широкаго пониманія задачъ университетской жизни. Слова, написанныя имъ нѣкогда объ исповѣдникахъ просвѣщенія въ XVII вѣкѣ, что имъ «нужно было много труда, много жертвъ и страданія», сдѣлались какъ-бы пророческими для него самого. Ему опять пришлось бороться противъ недовѣрія къ наукѣ, «происходившаго отъ неумѣнья сладить съ прогрессомъ, отъ стремленія остановить его, возвратиться къ первоначальнымъ формамъ». Но теперь дѣло шло не о литературныхъ направленіяхъ не объ историческихъ взглядахъ, оно касалось жизненныхъ формъ русской науки, университетскаго строя... Ученый, который своей многолѣтней, всѣми признанной дѣятельностью доказалъ, какъ онъ умѣлъ согласовать самую искреннюю, разумную преданность государственному началу съ безкорыстнымъ стремленіемъ къ наукѣ и просвѣщенію, могъ конечно вѣрнѣе и безпристрастнѣе многихъ другихъ судить объ истинныхъ потребностяхъ русской науки. Но ему не суждено было дать перевѣсъ тому, что̀ онъ считалъ правымъ дѣломъ; весною 1877 г. Соловьевъ былъ принужденъ оставить ректорство и прославленную имъ каѳедру. Черезъ два года смерть навсегда прекратила его просвѣщенную дѣятельность.»

Еще не настало время разсказывать подробно борьбу, которую велъ С. М. Соловьевъ,—борьбу прогресса съ застоемъ, свѣтлаго

начала съ темнымъ. Еще живы лица, съ которыми онъ боролся, которыя осилили его...

III.

«Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ».

Защитивъ докторскую диссертацію, Соловьевъ принялся за свой главный трудъ—«Исторію Россіи» и выпустилъ первый томъ осенью 1851 года. Въ 1830 году, когда вышла «Исторія русскаго народа» Полевого, А. В. Никитенко записалъ въ своемъ дневникѣ:

«Еще до появленія въ свѣтъ этой книги она уже была осуждаема и превозносима. Такъ называемые патріоты, почитатели добраго Карамзина, не понимаютъ, какъ можно осмѣлиться писать исторію послѣ Карамзина. Партія эта состоитъ изъ двухъ элементовъ. Одни изъ нихъ—царедворцы, вовсе немыслящіе или мыслящіе по заказу властей; другіе, у которыхъ есть охота судить и рядить, да недостаетъ толку и образованія, въ простотѣ сердца вѣруютъ, что Карамзинъ дѣйствительно написалъ исторію русскаго народа, а не исторію русскихъ князей и царей. Конечно есть также люди благомыслящіе и образованные, судъ которыхъ основывается на размышленіи и доказательствахъ, коихъ немного. Эти послѣдніе знаютъ, чѣмъ отечество обязано Карамзину, но знаютъ также, что его твореніе не удовлетворяетъ требованіямъ идеи исторіи столько, сколько удовлетворяетъ требованіямъ вкуса».

Попытка Полевого не удалась, и это еще болѣе утвердило нѣкоторую часть общества во мнѣніи, что Карамзинъ стоитъ на недосягаемой высотѣ и что писать исторію послѣ него большая дерзость. Такой взглядъ господствовалъ въ высшемъ обществѣ, когда появился первый томъ «Исторіи» Соловьева. Одинъ изъ высокопоставленныхъ меценатовъ прямо высказалъ автору свое недовольство; онъ находилъ предпріятіе писать русскую исторію послѣ Карамзина очень смѣлымъ: другое дѣло, еслибы Соловьевъ издалъ лекціи, читанныя имъ въ университетѣ. Авторъ отвѣчалъ, что названіе лекцій былобы страннымъ для труда, который должно быть будетъ очень обширнымъ и многотомнымъ. Это окончательно разсердило мецената, и онъ сказалъ нелѣпость, показывавшую все его невѣжество: «да и въ Англіи пробовали писать многотомныя исторіи, а до Юма все-таки не достигли». Эти меценаты, не читая труда Соловьева, отзывались о немъ съ большимъ пренебреженіемъ, старались уничтожить его, уронить

въ глазахъ публики. Но обыкновенная читающая публика отнеслась иначе къ сочиненію молодого профессора. Она раскупила довольно скоро новую книгу и тѣмъ доказала, что дѣйствительно существовала потребность въ новой исторіи Россіи, и что трудъ Соловьева удовлетворялъ этой потребности болѣе, чѣмъ устарѣвшее сочиненіе Карамзина.

Критика отнеслась къ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» довольно недоброжелательно. Одинъ только Кавелинъ оцѣнилъ ее по достоинству и посвятилъ разбору перваго тома обширную статью въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1851 г., гдѣ говорится между прочимъ слѣдующее:

«Какъ прагматическое сочиненіе, новая книга г. Соловьева безспорно принадлежитъ къ числу лучшихъ историческихъ трудовъ, появившихся въ послѣднее время. Книга его достойнымъ образомъ представляетъ въ нашей исторической литературѣ направленіе, данное въ послѣднее время изученію русской исторіи. Можно не соглашаться съ г. Соловьевымъ, но нельзя не признать, что его сочиненіе свидѣтельствуетъ о глубокомъ знаніи автора, его правильномъ историческомъ взглядѣ и методѣ и знакомствѣ съ исторической критикой въ ея современномъ значеніи. Вотъ почему первый томъ «Исторіи Россіи» безспорно—историческое сочиненіе въ полномъ значеніи слова. «Исторія Россіи» есть зрѣлый и сознательный историческій трудъ, а не шаткій опытъ. Всѣ историческія явленія разсматриваются здѣсь съ ихъ внутренней стороны въ взаимной связи и раскрываются последовательно по ихъ внутренней преемственности; бытовая сторона обращаетъ на себя, какъ и слѣдуетъ, гораздо большее вниманіе автора, чѣмъ внѣшнія событія. Наконецъ взглядъ гораздо серьезнѣе, пріемы строже, чѣмъ у его предшественниковъ. Вотъ общая оцѣнка разбираемой нами книги, какъ мы ее понимаемъ. Она произвела на насъ самое утѣшительное впечатлѣніе, какъ живое, несомнѣнное доказательство преуспѣянія русской исторической литературы и ея быстрыхъ успѣховъ въ такое короткое время».

Прямо враждебно отнесся къ новому труду Соловьева его учитель Погодинъ, по причинѣ весьма понятной. Онъ самъ просидѣлъ болѣе 20-ти лѣтъ на каѳедрѣ, пріобрѣлъ авторитетъ, считался первымъ знатокомъ русской исторіи, и что-же онъ сдѣлалъ? Написалъ двѣ диссертаціи о Варягахъ и Несторѣ. Ученикъ-же его, которому всего тридцать лѣтъ, въ два года своего профессорства напечаталъ двѣ диссертаціи, удивившія ученый міръ широтой взглядовъ, и вслѣдъ за этимъ приступилъ къ изданію обширной исторіи, хочетъ

быть Карамзинымъ. Обида слишкомъ велика: надо уничтожить трудъ Соловьева въ самомъ началѣ, добиться того, чтобы онъ самъ бросилъ дерзкое предпріятіе. «Москвитянинъ» объявляетъ настоящій походъ противъ новой исторіи Россіи. Самъ Погодинъ и его прислужники съ шипѣніемъ и пѣною у рта пишутъ обширныя рецензіи, стараются доказать, что въ трудѣ Соловьева нѣтъ ни одного слова правды. «Соловьевъ или не умѣетъ понимать лѣтописи, или съ намѣреніемъ искажаетъ смыслъ лѣтописнаго свидѣтельства для какихъ-то заднихъ мыслей.» При этомъ дѣлались намеки, будто Соловьевъ списывалъ сочиненія Погодина, не упоминая объ источникѣ.

Соловьевъ возражалъ Погодину на страницахъ «Московскихъ «Вѣдомостей (статья его не была подписана), возражалъ прилично, не позволяя себѣ никакихъ личныхъ выходокъ и грубыхъ выраженій, но между прочимъ упрекалъ Погодина въ томъ, что онъ пишетъ о его «Исторіи», не вполнѣ познакомившись съ нею. На это Погодинъ отвѣтилъ съ свойственной ему грубой манерой: статья «Московскихъ Вѣдомостей» за г. Соловьева упрекаетъ меня, что я не читалъ его «Исторіи». Это совершенная правда: я не читалъ ея и читать не буду.

По выходѣ послѣдующихъ томовъ «Исторіи Россіи», Погодинъ продолжалъ свою неприличную полемику, но Соловьевъ ничего уже не возражалъ. Постепенно онъ привыкъ къ журнальной брани и перестаjъ придавать ей значеніе, а нерѣдко приходилось ему читать отзывы критиковъ, которые не хотѣли или не способны были понять значеніе его труда.

Соловьевъ ничего не отвѣчалъ на сыпавшіяся на него нападки или, лучше сказать, онъ отвѣчалъ новыми томами своего капитальнаго труда. Начиная съ 1851 года, онъ ежегодно выпускалъ по тому своей «Исторіи» и успѣлъ напечатать ихъ 28; послѣдній двадцать-девятый вышелъ уже послѣ смерти автора. Соловьевъ хорошо дѣлалъ, что не тратилъ времени на безполезную полемику съ разными журнальными зоилами: ихъ мелочная критика давно позабыта, а двадцать девять томовъ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» навсегда останутся въ нашей литературѣ.

«Исторія» Соловьева до сихъ поръ необходима, незамѣнима какъ для ученаго, такъ и для всякаго образованнаго человѣка, желающаго ознакомиться съ прошлымъ своего отечества. Это единственная у насъ полная «Исторія Россіи,» доходящая до 1774 года. Къ сожалѣнію автору не удалось довести своего разсказа до конца царствованія Екатерины, но зато двѣ другія его книги отчасти попол-

няютъ этотъ пробѣлъ и продолжаютъ историческій разсказъ до 1825 года. Я говорю о сочиненіяхъ Соловьева: «Исторія паденія Польши» и «Императоръ Александръ I». Въ послѣднемъ трудѣ, правда, разсмотрѣны только дипломатическія сношенія Россіи съ иностранными державами; главное вниманіе обращено конечно на Францію, и взглядъ Соловьева на Наполеона, несмотря на множество изданныхъ съ тѣхъ поръ документовъ, остается до сихъ поръ вѣрнымъ. При составленіи своей «Исторіи Россіи» Соловьевъ воспользовался всѣми извѣстными источниками и, на основаніи критическаго ихъ изученія, подробно изложилъ факты, причемъ нерѣдко буквально передавалъ лѣтописи, что̀ порою утомляетъ читателя, но зато наглядно передаетъ характеръ эпохи. Въ первыхъ томахъ мы находимъ подробное изложеніе княжескихъ усобицъ, походовъ на Печенѣговъ и Половцевъ, сраженій съ татарами и т. п. Установить событія въ ихъ взаимной послѣдовательности, показать, какіе факты могутъ быть признаны достовѣрными, было необходимо, такъ какъ они служатъ единственной надежной опорой для дальнѣйшихъ выводовъ; особенно необходимо было это сдѣлать для XVII и XVIII вѣковъ; если съ древней исторіей еще можно было кое-какъ ознакомиться по сочиненію Карамзина, то новая исторія послѣ смутнаго времени оставалась совершенно неизвѣстной. Но тутъ Соловьевъ замѣтилъ, что по однимъ печатнымъ источникамъ невозможно написать сколько-нибудь полной исторіи, и онъ обратился къ документамъ, хранящимся въ нашихъ архивахъ. Большинство томовъ его «Исторіи» составлены почти исключительно по списанному имъ архивному матеріалу; такимъ образомъ Соловьеву пришлось быть въ одно и то-же время и первымъ издателемъ сырого матеріала, и первымъ его изслѣдователемъ. Кто знаетъ, сколько времени отнимаютъ поиски въ архивахъ, сколько труда надо положить, чтобы разобраться въ этомъ матеріалѣ, тотъ оцѣнитъ вполнѣ громадную работу, принятую на себя нашимъ историкомъ, и поблагодаритъ его за подробное изложеніе фактовъ нашей новой исторіи, которые безъ него можетъ-быть до сихъ поръ оставались бы неизвѣстными. Между прочимъ, Соловьевъ первый обратилъ должное вниманіе на исторію югозападной Руси, которая до него почти не подвергалась критической разработкѣ. Указавъ на борьбу, которую вели русскіе люди югозападныхъ областей съ католическими стремленіями Ягеллоновъ и ихъ преемниковъ, Соловьевъ говоритъ: историкъ долженъ со вниманіемъ слѣдить за этою борьбою, по тому великому значенію, какое имѣла она и особенно исходъ ея на судьбы Россіи и восточной

Европы. Но разумѣется, главное вниманіе Соловьева привлекала не югозападная, а сѣверовосточная русь, гдѣ «вслѣдствіе внутреннихъ движеній образовалось самостоятельное русское государство». Его то жизнь, развитіе, колебанія его судьбы ни на минуту не долженъ упускать изъ виду, историкъ и, по мнѣнію Соловьева, лишь въ положеніи къ нему измѣрять важность тѣхъ или другихъ событій, совершающихся внѣ его предѣлахъ.

Полнота «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» заключается не только въ томъ, что по ней можно ознакомиться со всѣми фактами нашей исторіи вплоть до Екатерининскаго времени, но также въ томъ, что авторъ обратилъ должное вниманіе на такъ называемую внутреннюю исторію. Здѣсь приняты во вниманіе всѣ стороны нашего прошлаго, исторія сословій, дружины, бояръ, купечества, дворянства, городского и сельскаго населенія, духовенства, монашества, исторія учрежденій, приказовъ, сената, синода, собраніе законовъ, «Русская Правда,» «Судебники,» «Уложеніе», экономическое положеніе страны, финансы, торговля, не забыты и литература, просвѣщеніе, нравы и обычаи. Въ первыхъ пяти томахъ напримѣръ, (составляющихъ одинъ томъ новаго изданія) болѣе трети страницъ отведено главамъ, подъ названіемъ «Внутреннее состояніе русскаго общества». Такимъ образомъ сочиненіе Соловьева есть не только исторія государства и народа, но вмѣстѣ съ тѣмъ и исторія русской жизни.

Такая полнота уже сама по себѣ имѣетъ значительную цѣну и во всякомъ случаѣ дѣлала бы трудъ Соловьева чрезвычайно полезнымъ для историковъ; но по современнымъ научнымъ воззрѣніямъ онъ не имѣлъ бы права называться историкомъ, если-бы въ немъ не было ничего, кромѣ толковаго и хотя бы критически провѣреннаго изложенія фактовъ. Считая необходимымъ подробно излагать историческія факты, Соловьевъ въ то-же самое время старался проникнуть въ глубь событій, найти имъ должное объясненіе. При этомъ сказалось многостороннее образованіе автора, его занятія европейской исторіей сначала подъ руководствомъ Грановскаго, потомъ заграницей, постоянно пополнявшіяся чтеніемъ выдающихся сочиненій по всеобщей исторіи.

Соловьевъ воспользовался идеями знаменитаго географа Риттера о взаимодѣйствіи между природой и человѣкомъ и приложилъ ихъ къ русской исторіи. Съ этого начинается его сочиненіе. «Ходъ событій постепенно подчиняется природнымъ условіямъ», говоритъ

онъ и тутъ же показываетъ, какое значеніе имѣла въ нашей исторіи равнинность страны, отсутствіе горъ.

«Передъ нами обширная равнина: на огромномъ разстояніи отъ Бѣлаго моря до Чернаго и отъ Балтійскаго до Каспійскаго путешественникъ не встрѣтитъ никакихъ сколько-нибудь значительныхъ возвышеній, не замѣтитъ ни въ чемъ рѣзкихъ переходовъ. Однообразіе природныхъ формъ исключаетъ областныя привязанности, ведетъ народонаселеніе къ однообразнымъ занятіямъ; однообразность занятій производитъ однообразіе въ обычаяхъ, правахъ, вѣрованіяхъ; одинаковость нравовъ, обычаевъ и вѣрованій исключаетъ враждебныя столкновенія; одинакія потребности указываютъ одинакія средства къ ихъ удовлетворенію, и равнина, какъ-бы ни была обширна, какъ-бы ни было вначалѣ разноплеменно ея населеніе, рано или поздно станетъ областью одного государства: отсюда понятна обширность русской государственной области, однообразіе частей и крѣпкая связь между ними».

Стараясь объяснить причины, по которымъ усилилась Москва, Соловьевъ указываетъ на географическое положеніе этого города, на важное значеніе Москвы, какъ срединнаго пограничнаго мѣста между старою, южною, и новою, сѣверною, Русью, на посредничество ея рѣчной области между юго-востокомъ и сѣверо-западомъ въ отношеніи торговли.

Различіе между природой западной и восточной Европы отразилось, по мнѣнію Соловьева, и на общемъ ходѣ исторіи и обусловило разницу между нашей и западно-европейской исторіей.

«Мы такъ часто,—говоритъ онъ,—употребляемъ выраженіе: западная и восточная Европа, такъ много знаемъ, такъ много толкуемъ о ихъ различіи и слѣдствіяхъ этого различія; но если путешественникъ, переѣзжающій изъ западной Европы въ восточную, или наоборотъ, свѣжимъ взглядомъ посмотритъ на ихъ различіе, станетъ отдавать себѣ отчетъ о немъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ видимаго, то конечно прежде всего скажетъ, что Европа состоитъ изъ двухъ частей, западной-каменной и восточной-деревянной. Камень,—такъ называли у насъ въ старину горы,—камень разбилъ западную Европу на многія государства, разграничилъ многія народности; въ камнѣ свили свои гнѣзда западные мужи, и оттуда владѣли мужиками; камень давалъ имъ независимость; но скоро и мужики огораживаются камнемъ и пріобрѣтаютъ свободу, самостоятельность; все прочно, все опредѣленно, благодаря камню; благодаря камню; поднимаются рукотворныя горы, громадныя вѣковыя зданія. На великой восточной равнинѣ нѣтъ камня, все ровно, нѣтъ разнообразія народностей; и потому одно небывалое по своей величинѣ государство. Здѣсь мужамъ негдѣ вить себѣ каменныхъ гнѣздъ, не живутъ они особо и самостоятельно, живутъ дружинами около князя и вѣчно движутся по широкому безпредѣльному пространству; у городовъ нѣтъ прочныхъ къ нимъ отношеній. При отсутствіи разнообразія,

рѣзкаго разграниченія мѣстностей, нѣтъ такихъ особенностей, которыя-бы дѣйствовали сильно на образованіе характера мѣстнаго народонаселенія, дѣлали для него тяжкимъ оставленіе родины, переселеніе. Нѣтъ прочныхъ жилищъ, съ которыми-бы тяжело было разставаться, въ которыхъ бы обжились цѣлыми поколѣніями; города состоятъ изъ кучи деревянныхъ избъ, первая искра — и вмѣсто нихъ куча пепла. Бѣда впрочемъ не велика: движимаго такъ мало, что легко вынести съ собою, построить новый домъ ничего не стоитъ по дешевизнѣ матеріала; отсюда съ такой легкостью старинный русскій человѣкъ покидалъ свой домъ, свой родной городъ или село; уходилъ отъ татарина, отъ литвы; уходилъ отъ тяжкой подати, отъ дурного воеводы или подъячаго; брести розно было нипочемъ, ибо вездѣ можно было найти одно и то-же, вездѣ Русью пахло. Отсюда привычка къ расходкѣ въ народонаселеніи и отсюда стремленіе правительства ловить, усаживать и прикрѣплять».

Въ Россіи Соловьевъ опять-таки видитъ двѣ половины—лѣсную и степную—и этимъ различіемъ природы объясняетъ разныя явленія нашей исторіи.

«Здѣсь, говоритъ онъ, двѣ формы господствуютъ—лѣсъ и поле, или степь. Изъ противоположности этихъ двухъ формъ, находящихся другъ подлѣ друга, вытекаетъ историческая противоположность, борьба народонаселенія двухъ половинъ Россіи, лѣсной и степной. Степь была изначала жилищемъ кочевыхъ, хищныхъ народовъ; съ ними изначальная борьба Руси, основавшейся въ польской (степной) украйнѣ. Борьба эта, не смотря на всю удаль князей и дружинъ ихъ, кончилась торжествомъ степного народонаселенія, которое постоянно пустошило Русь при половцахъ и окончательно запустошило при татарахъ. Прочный порядокъ вещей, государство, способное побороть степное народонаселеніе, могли утвердиться, окрѣпнуть только вдали отъ степи, на сѣверѣ, въ лѣсной сторонѣ, мало доступной, неудобной для кочевого хищника. Но московское государство, образовавшееся въ лѣсной сторонѣ, при своемъ распространеніи, скоро достигло степи; у него образовалась польская, какъ называли въ старину, т. е. степная окраина или украйна, долженствовавшая постоянно терпѣть отъ сосѣдства степи; но это была только украйна, тогда какъ въ древней Руси главная сцена дѣйствія, стольный городъ великокняжескій былъ на самой украйнѣ. И московское государство ведетъ постоянную борьбу съ народонаселеніемъ степей; съ ослабленіемъ кочевыхъ ордъ борьба не прекращается, ибо въ степи образуется особаго рода народонаселеніе, казаки. Борьба земскихъ людей, государства съ казачествомъ есть, относительно природныхъ формъ, борьба лѣсной стороны съ полемъ, степью, что особенно выразилось въ смутное время и въ послѣдующія казацкія движенія, когда Россія дѣлилась по духу, характеру народонаселенія, на сѣверную, земскую, и на южную, украйну съ степями, казацкую. Степь условливала постоянно эту бродячую, разгульную, казацкую жизнь съ первобытными формами; лѣсъ болѣе ограничивалъ, опредѣлялъ, болѣе усаживалъ человѣка, дѣлалъ его земскимъ, осѣдлымъ, установившимся, въ противоположность казаку, вольному, гулящему».

Соловьевъ самъ указалъ на задачу, которую, по его мнѣнію, долженъ выполнить русскій историкъ.

«Уже — давно, говоритъ онъ, — какъ только начали заниматься русской исторіей съ научной цѣлью, подмѣчены были главныя, особенно выдающіяся въ ней событія, событія поворотныя, отъ которыхъ исторія замѣтно начинаетъ новый путь. На этихъ событіяхъ начали останавливаться историки, дѣлить по нимъ исторію на части, періоды; начали останавливаться на смерти Ярослава I, на дѣятельности Андрея Боголюбскаго, на сороковыхъ годахъ XIII вѣка, на времени вступленія на московскій престолъ Іоанна III, на прекращеніи старой династіи и восшествіи новой, на вступленіи на престолъ Екатерины II. Нѣкоторые писатели изъ этихъ важныхъ событій начали выбирать наиболѣе, по ихъ мнѣнію, важныя; такъ явилось дѣленіе русской исторіи на три большіе отдѣла: древнюю—отъ Рюрика до Іоанна III, среднюю—отъ Іоанна III до Петра Великаго, новую—отъ Петра Великаго до позднѣйшихъ временъ. Нѣкоторые были недовольны этимъ дѣленіемъ и объявили, что въ русской исторіи можетъ быть только два большихъ отдѣла—исторія древняя до Петра и новая послѣ него. Обыкновенно каждый новый писатель старался показать неправильность дѣленія своего предшественника, обыкновенно старался показать, что и послѣ того событія, при которомъ предшествующіе писатели положили свои грани, продолжался прежній порядокъ вещей; что, наоборотъ, передъ этой гранью мы видимъ явленія, которыми писатель характеризовалъ новый періодъ, и т. д. Споры безконечные, ибо въ исторіи ничего не оканчивается вдругъ; новое начинается въ то время, когда старое продолжается. Но мы не будемъ продолжать этихъ споровъ, мы не станемъ доказывать неправильности дѣленія предшествовавшихъ писателей и придумывать свое дѣленіе, болѣе правильное. Мы начнемъ съ того, что объявимъ всѣ эти дѣленія правильными; мы начнемъ съ того, что признаемъ заслугу каждаго изъ предшествовавшихъ писателей, ибо каждый въ свою очередь указывалъ на новую сторону предмета и тѣмъ способствовалъ лучшему пониманію его. Всѣ эти дѣленія и споры о правильности того или другого изъ нихъ были необходимы въ свое время, въ первое время занятія исторіей; тутъ необходимо, чтобы легче осмотрѣться, поскорѣе раздѣлить предметъ, поставить грани по болѣе виднымъ, по болѣе громкимъ событіямъ; тутъ необходимъ сначала внѣшній взглядъ, по которому эти самыя видныя, громкія событія и являются исключительными опредѣлителями историческаго хода, уничтожающаго вдругъ все старое и начинающаго новое. Но съ теченіемъ времени наука мужаетъ, и является потребность соединить то, что̀ прежде было раздѣлено, показать связь между событіями, показать, какъ новое проистекло изъ стараго, соединить разрозненныя части въ одно органическое цѣлое, является потребность замѣнить анатомическое изученіе предмета физіологическимъ».

«Исторія,—говоритъ дальше Соловьевъ,—знаетъ различные виды образованія государствъ: или государство, начавшись незамѣтной точкой, въ короткое время достигаетъ громадныхъ размѣровъ, въ короткое время покоряетъ себѣ многіе различные народы, къ одной неболь-

ной области въ короткое время силой завоеванія привязываются многія другія государства, связь между которыми не условливается природой. Обыкновенно такія государства какъ скоро возрасли, такъ-же скоро и падаютъ: такова напримѣръ судьба азіатскихъ громадныхъ государствъ. Въ другомъ мѣстѣ видимъ, что государство начинается на ничтожномъ пространствѣ и потомъ, вслѣдствіе постепенной напряженности силъ, отъ внутренняго движенія впродолженіи довольно долгаго времени, распространяетъ свои владѣнія на счетъ сосѣднихъ странъ и народовъ, образуетъ громадное тѣло и наконецъ распадается на части вслѣдствіе самой громадности своей и вслѣдствіе отсутствія внутренняго движенія, исчезновенія внутреннихъ живительныхъ соковъ: таково было образованіе государства римскаго. Образованіе всѣхъ этихъ громадныхъ государствъ, какова бы ни была разница между ними, можно назвать образованіемъ неорганическимъ, ибо они обыкновенно составляются наростаніемъ извнѣ. внѣшнимъ присоединеніемъ частей посредствомъ завоеванія. Иной характеръ представляется намъ въ образованіи новыхъ европейскихъ христіанскихъ государствъ; здѣсь государства, при самомъ рожденіи своемъ, вслѣдствіе племенныхъ и преимущественно географическихъ условій, являются уже въ тѣхъ-же почти границахъ, въ какихъ имъ предназначено дѣйствовать впослѣдствіи; потомъ наступаетъ для всѣхъ государствъ долгій, тяжкій, болѣзненный процессъ внутренняго возрастанія и укрѣпленія, въ началѣ котораго государства эти являются обыкновенно въ видимомъ раздѣленіи, потомъ это раздѣленіе мало по малу исчезаетъ, уступая мѣсто единству: государство образуется. Такое образованіе мы имѣемъ право назвать высшимъ, органическимъ (т. IV, стр. 363—367)».

Понявъ, что русское государство образовалось путемъ органическимъ, Соловьевъ съ рѣдкимъ талантомъ осуществилъ намѣченную имъ задачу, показалъ, какъ развивалось это органическое цѣлое. Трудъ его объединенъ одной общей идеей, идеей развитія, прогресса. Такую точку зрѣнія онъ называлъ исторической, говоря, что безъ начала движенія, начала развитія, нѣтъ исторіи. Соловьевъ не отдѣляетъ одной эпохи отъ другой, напротивъ, онъ ставитъ ихъ въ связь, показываетъ, какъ одни явленія порождаютъ другія, какъ событія слѣдуютъ другъ за другомъ по законамъ необходимости. Онъ слѣдитъ за развитіемъ, ростомъ государства, вмѣстѣ съ тѣмъ за развитіемъ, ростомъ народа, за постепеннымъ уясненіемъ сознанія его о себѣ, какъ единомъ цѣломъ.

Европейскія народы движутся съ Востока на Западъ, а славянская колонизація идетъ наоборотъ съ Запада на Востокъ. «Исторія мачиха заставила одно изъ древнѣйшихъ европейскихъ племенъ принять движеніе съ Запада на Востокъ и населить тѣ страны, гдѣ природа является мачихой для человѣка. Въ началѣ новой европейско-христіанской исторіи два племени приняли господствующее положеніе и удержали его за собою навсегда, германское и славян-

ское, племена-братья одного индо-европейскаго происхожденія; они подѣлили между собой Европу, и въ этомъ начальномъ дѣлежѣ, въ этомъ начальномъ движеніи нѣмцевъ съ сѣверовостока на югозападъ, въ области римской имперіи, гдѣ уже заложенъ былъ прочный фундаментъ европейской цивилизаціи, и Славянъ, наоборотъ, съ югозапада на сѣверовостокъ, въ дѣвственныя и обдѣленныя природой пространства,—въ этомъ противоположномъ движеніи лежитъ различіе всей послѣдующей исторіи обоихъ племенъ». Славяне колонизуютъ восточную равнину, они живутъ здѣсь отдѣльными племенами въ родовомъ быту. Исторія Россіи, подобно исторіи другихъ государствъ, начинается богатырскимъ или героическимъ періодомъ, т. е. вслѣдствіе извѣстнаго движенія—у насъ вслѣдствіе появленія варяго-русскихъ князей и дружины ихъ—темная безразличная масса народонаселенія потрясается и происходитъ выдѣлъ изъ нея лучшихъ людей, по тогдашнимъ понятіямъ, т. е. храбрѣйшихъ, одаренныхъ большой матеріальной силой и чувствующихъ потребность упражнять ее. Это мужи—люди по преимуществу, тогда какъ остальные въ глазахъ ихъ остаются полулюдьми, маленькими людьми, мужиками. Вслѣдствіе слабости племенного начала у Славянъ и равнинности страны, помогающей сліянію, племена исчезаютъ въ этотъ первый богатырскій періодъ; вмѣсто нихъ являются волости, княженія, съ именами, заимствованными не отъ племенъ, а отъ главныхъ городовъ, отъ правительственныхъ, стянувшихъ къ себѣ окружное народонаселеніе, центровъ. Племенные союзы уничтожились, государственное единство еще не образовалось, волости, отстоящія далеко другъ отъ друга, могли бы обособиться, еслибы князья со своими дружинами не переходили постоянно съ мѣста на мѣсто. Они должны были передвигаться, того требовали родовыя отношенія. Князья разошлись по волостямъ, даже самымъ отдаленнымъ, но единство рода сохранялось, главный столъ принадлежалъ старшему въ цѣломъ родѣ, а лучшія волости доставались по степени старшинства; отсюда князья—только временные владѣльцы въ своихъ волостяхъ; взоры ихъ устремлены постоянно на Кіевъ, и, вмѣсто стремленія обособиться, они считаютъ величайшимъ несчастьемъ для себя, если принуждены выйти изъ общаго родового движенія. Такимъ образомъ посредствомъ родовыхъ княжескихъ отношеній, посредствомъ безпрестанныхъ передвижекъ князей и дружинъ ихъ изъ одной области въ другую народонаселеніе и самыхъ отдаленныхъ областей не могло высвободиться изъ общей жизни, постоянно имѣло общіе интересы и укореняло въ себѣ

сознаніе о нераздѣльности русской земли. Къ единству политическому, державшемуся родовыми княжескими отношеніями, присоединялось единство церковное. Въ томъ времени, которое съ перваго раза казалось временемъ раздѣленія, розни, усобицъ княжескихъ, Соловьевъ увидѣлъ время, когда положено было прочное основаніе народному и государственному единству.

«Во сто лѣтъ, протекшія отъ смерти Ярослава, мы видимъ, что преимущественно вслѣдствіе продолженія движенія всѣ элементы задержаны въ своемъ развитіи, на лицо все первоначальныя формы: бродячія дружины, члены ихъ, свободно переходящіе отъ одного князя къ другому; въ челѣ—дружины, неутомимые князья-богатыри, переходящіе изъ одной волости княжить въ другую, ищущіе во всѣхъ странахъ честь свою взять, не помышляя ни о чемъ прочномъ, постоянномъ, не имѣя своего, но все общее, родовое; вѣча съ первоначальными формами народныхъ собраній безъ всякихъ опредѣленій; а тутъ на границѣ кочевники переходятъ къ полуосѣдлости; немного далѣе, въ степи, виднѣются вежи и чистыхъ кочевниковъ. Все здѣсь на восточной равнинѣ отзывается первобытнымъ міромъ, общество какъ будто еще въ жидкомъ состояніи, и нельзя предвидѣть, въ какомъ отношеніи найдутся общественные элементы, когда наступитъ время перехода изъ одного жидкаго, колеблющагося состоянія въ твердое, когда все усядется и начнутся опредѣленія».

Затѣмъ Соловьевъ спрашиваетъ: когда же и гдѣ именно, при какихъ условіяхъ начались эти опредѣленія? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, онъ объясняетъ, какимъ образомъ центръ государственной жизни перешелъ изъ Кіева во Владиміръ. Карамзинъ думалъ, что преобладаніе сѣверовосточной Руси надъ Кіевской объясняется личнымъ вкусомъ Андрея Боголюбскаго, питавшаго нерасположеніе къ югозападной Руси, и личными достоинствами этого князя; разумъ превосходный заставилъ его стремиться къ искорененію вредной удѣльной системы. Соловьевъ указываетъ на внутреннія, органическія причины, обусловившія дальнѣйшій ходъ нашей исторіи. Несчастное положеніе югозападной украйны, страдавшей отъ наплыва кочевниковъ и отъ княжескихъ усобицъ, необходимо заставляло часть ея жителей выселяться въ страны болѣе спокойныя. Эти страны были именно отдаленныя сѣверовосточныя области русскія, суровая климатомъ, бѣдная населеніемъ область верхней Волги, гдѣ князья, тяготясь малолюдностью, отовсюду призывали насельниковъ, давали имъ льготы, строили имъ города. Вслѣдствіе недавней колонизаціи населеніе на сѣверѣ относилось иначе къ князю, чѣмъ на югѣ.

«Въ западныхъ областяхъ славяне были старые насельники, старые хозяева, князья были пришельцы; на востокѣ, наоборотъ, славянскіе поселенцы являются въ страну, гдѣ уже хозяйничаетъ князь; князь строитъ городки, призываетъ насельниковъ, даетъ имъ льготы: насельники всѣмъ обязаны князю, во всемъ зависятъ отъ него, живутъ на его землѣ, въ его городахъ. Эти-то отношенія народонаселенія къ князю и легли въ основу того сильнаго развитія княжеской власти, какое видимъ на сѣверѣ. Явился и такой князь, который какъ нельзя лучше воспользовался своими выгодными отношеніями къ новому народонаселенію, именно Андрей Боголюбскій. Онъ переселяется жить изъ стараго города Ростова въ новый Владиміръ на Клязьмѣ, гдѣ нѣтъ вѣча, гдѣ власть княжеская не встрѣтитъ преградъ. Андрей понимаетъ очень хорошо значеніе слова: «мое, собственность», и не хочетъ знать юга, гдѣ князья понимаютъ только общее родовое владѣніе. Андрей, какъ древній богатырь, чуетъ силу, получаемую отъ земли, къ которой онъ припалъ, на которой утвердился навсегда; онъ не покидаетъ этой земли, не переѣзжаетъ въ Кіевъ, когда тотъ достался ему и по родовымъ правамъ, и по правамъ побѣды. Этотъ первый примѣръ привязанности къ своему, особому, первый примѣръ осѣдлости становится священнымъ преданіемъ для всѣхъ сѣверныхъ князей, и отсюда начинается новый порядокъ вещей».

Такимъ образомъ зарождается сильная княжеская власть, какъ естественное слѣдствіе всей предыдущей исторіи. Московскій періодъ въ трудѣ Соловьева представляетъ такую-же органическую связь съ Владимірскимъ, какъ послѣдній съ Кіевскимъ. Преемники Боголюбскаго, братъ его Всеволодъ и потомки послѣдняго, вѣрные преданію, полученному отъ перваго самовластца, продолжаютъ стремиться къ единовластію.

«Вмѣсто прежняго движенія изъ одной волости въ другую, какое мы видѣли въ древней югозападной Россіи, въ Россіи новой, сѣверовосточной, видимъ осѣдлость князей въ одной волости; князь сростается съ волостью, интересы ихъ отождествляются, усобицы принимаютъ другой характеръ, имѣютъ другую цѣль, именно усиленіе одного княжества на счетъ всѣхъ другихъ; при такой цѣли родовыя отношенія необходимо рушатся, ибо тотъ, кто чувствуетъ себя сильнымъ, не обращаетъ болѣе на нихъ вниманія. Одно княжество наконецъ осиливаетъ всѣ другія и образуется государство московское».

Реформа Петра Великаго находилась по взгляду Соловьева въ тѣсной связи со всей предыдущей исторіей, она не была его личнымъ дѣломъ, а дѣломъ народнымъ, вызваннымъ необходимостью, подготовлявшимся со времени Іоанна Грознаго. Нашу отчужденность отъ Европы и отсталость Соловьевъ объясняетъ не татарскимъ игомъ, которому, по его мнѣнію, придавали слишкомъ большое значеніе, а ходомъ русской колонизаціи.

«Движеніе русской исторіи съ югозапада на сѣверовостокъ было движеніемъ изъ странъ лучшихъ въ худшія, въ условія болѣе неблагопріятныя. Исторія выступила изъ страны, выгодной по своему природному положенію,—изъ страны, которая представляла путь изъ сѣверной Европы въ южную,—изъ страны, которая поэтому находилась въ постоянномъ общеніи съ европейско-христіанскими народами, посредничала между ними въ торговомъ отношеніи. Но какъ скоро историческая жизнь отливаетъ на Востокъ въ области верхней Волги, то связь съ Европою, съ Западомъ, необходимо ослабѣваетъ и порывается—не вслѣдствіе мнимаго вліянія татарскаго ига, а вслѣдствіе могущественныхъ природныхъ вліяній: куда течетъ Волга, главная рѣка новой государственной области, туда слѣдовательно, на Востокъ, обращено все».

Слѣдствіемъ такой отчужденности нашей отъ Европы является несостоятельность экономическая и умственная, банкротство бѣдной страны, не могшей своими средствами удовлетворить потребностямъ своего государственнаго положенія. Такое банкротство въ историческомъ, живомъ, молодомъ народѣ необходимо условливало поворотъ народной жизни, исканіе выхода изъ отчаяннаго положенія.

«Сознаніе экономической несостоятельности, ведшее необходимо къ повороту въ исторіи, было тѣсно соединено съ сознаніемъ нравственной несостоятельности. Русскій народъ не могъ оставаться въ китайскомъ созерцаніи собственныхъ совершенствъ, въ китайской увѣренности, что онъ выше всѣхъ народовъ на свѣтѣ уже по самому географическому положенію своей страны: океаны не отдѣляли его отъ западныхъ европейскихъ народовъ. Побуждаемый силою обстоятельствъ, онъ долженъ былъ сначала уходить съ Запада на Востокъ; но какъ скоро успѣлъ здѣсь усилиться, заложить государство, такъ долженъ былъ необходимо столкнуться съ западными сосѣдями, и столкновеніе это было очень поучительно. Въ то самое время, въ то самое царствованіе, когда Востокъ, восточные сосѣди русскаго народа оказались совершенно безсильными предъ Москвою, когда покорены были три татарскихъ царства и пошли русскіе люди безпрепятственно по сѣверной Азіи вплоть до Восточнаго океана, въ то самое царствованіе на Западѣ были страшныя неудачи: на Западѣ борьба оканчивается тѣмъ, что Россія должна уступить и свои земли врагу. Стало очевидно, что во сколько восточные сосѣди слабѣе Россіи, во столько западные сильнѣе. Это убѣжденіе, подрывая китайскій взглядъ на собственное превосходство, естественно и необходимо порождало въ живомъ народѣ стремленіе сблизиться съ тѣми народами, которые оказали свое превосходство, позаимствовать отъ нихъ то, чѣмъ они являлись сильнѣе; сильнѣе западные народы оказывались своимъ знаніемъ, искусствомъ, и потому надобно было у нихъ выучиться. Отсюда съ царствованія Іоанна IV, именно съ того царствованія, когда надъ Востокомъ было получено окончательное торжество, но когда могущественный царь, покоритель Казани и Астрахани, обративъ свое

оружіе къ Западу, потерпѣлъ страшныя неудачи, съ этого самаго царствованія мысль о необходимости сближенія съ Западомъ, о необходимости добыть моря и учиться у морскихъ народовъ становится господствующей мыслью правительства и лучшихъ русскихъ людей». «Экономическая и нравственная несостоятельность общества были сознаны; народъ живой и крѣпкій рвался изъ пеленокъ, въ которыхъ судьба держала его долѣе, чѣмъ слѣдовало. Вопросъ о необходимости поворота на новый путь рѣшонъ; новости являлись необходимо».

Соловьевъ показываетъ намъ, почему переворотъ долженъ былъ итти сверху, иниціатива должна была исходить отъ верховной власти.

«Мы видимъ,—говоритъ онъ,—что все и со всѣмъ обращается въ Москву къ великому государю, и видимъ также ясно, что это обращеніе происходитъ необходимо отъ слабости, мелкости отдѣльныхъ міровъ, отъ особности ихъ другъ отъ друга, и въ то же время отъ внутренней розни, происходящей при всякомъ соединеніи силъ, при всякомъ общемъ дѣйствіи, однимъ словомъ, отъ дѣтскаго состоянія ихъ, отъ дѣтской безпомощности. Сверху дается полная свобода: всякое челобитье о какомъ-нибудь новомъ распорядкѣ принимается, пусть распоряжаются какъ хотятъ; поссорятся, одни захотятъ одного, другіе другого — правительство приказываетъ спросить всѣхъ, чтобы узнать, чего хочетъ большинство, Мы упомянули о дѣтской безпомощности; слово всего лучше объяснитъ тутъ дѣло: всѣ тяглые, не служилые люди называютъ себя сиротами государевыми; это низшая рабочая часть народонаселенія, мужики; но высшая, военная, мужи, какъ себя называютъ? Они называютъ себя холопами государевыми. Понятно, что ни въ безпомощныхъ сиротахъ, ни въ холопахъ нельзя искать силы и самостоятельности, собственнаго мнѣнія. И тѣ, и другіе чувствуютъ несостоятельность стараго, понимаютъ, что оставаться такъ нельзя, но при отсутствіи просвѣщенія не могутъ ясно сознавать, какъ выйти на новую дорогу, и не могутъ имѣть инициативы, которая потому должна явиться сверху; повести дѣло долженъ великій государь».

Заканчивая исторію Россіи въ эпоху преобразованія, Соловьевъ говоритъ о царствованіи Петра Великаго:

«Начертана была обширная программа на много и много лѣтъ впередъ, начертана была не на бумагѣ: она начертана была на землѣ, которая должна была открыть свои богатства предъ русскимъ человѣкомъ, получившимъ посредствомъ науки полное право владѣть ею;—на морѣ, гдѣ явился русскій флотъ;—на рѣкахъ, соединенныхъ каналами; начертана была въ государствѣ новыми учрежденіями и постановленіями; начертана была въ народѣ посредствомъ образованія, расширенія его умственной сферы, богатыхъ запасовъ умственной пищи, которую ему доставилъ открытый Западъ и новый міръ, созданный внутри самой Россіи. Большая часть сдѣланнаго была только въ началѣ, иное въ грубыхъ очеркахъ, для многаго приготовлены были

только матеріалы, сдѣланы были только указанія; поэтому мы назвали дѣятельность преобразовательной эпохи программой, которую Россія выполняетъ до сихъ поръ и будетъ выполнять, уклоненіе отъ которой сопровождалось всегда печальными послѣдствіями». Царствованія Елизаветы Петровны и Екатерины II-й—необходимое слѣдствіе Петровской реформы,—время, когда начинаютъ усвоиваться нами плоды европейской цивилизаціи. «Воздавая должное Екатеринѣ,—говоритъ Соловьевъ,—не забудемъ, какъ много внутри и внѣ было приготовлено для нея Елизаветою».

По «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» мы можемъ прослѣдить естественный ростъ, естественное развитіе нашего отечества отъ Рюрика до Екатерины, и въ этомъ конечно заключается главное достоинство труда Соловьева.

Герье, давшій лучшую оцѣнку сочиненія Соловьева, справедливо замѣтилъ: «Мы мало знаемъ историковъ, которые до такой степени соединяли бы въ себѣ два различныхъ интереса, представляемыхъ исторіей — стремленіе къ изслѣдованію, къ обогащенію историческаго матеріала съ потребностью возстановить полный и цѣльный образъ прошедшаго, т. е. чисто научный интересъ съ творческимъ. Среди страницъ, передающихъ намъ понятія, языкъ прошедшихъ эпохъ, мы нерѣдко встрѣчаемъ художественныя страницы, достойныя великихъ мастеровъ». Художественной надо назвать всю первую половину тринадцатаго тома, гдѣ представленъ общій ходъ русской исторіи до эпохи преобразованія. Въ высшей степени художественны характеристики многихъ историческихъ дѣятелей, въ особенности Іоанна Грознаго и Петра Великаго. Прекрасно передавая характеръ эпохи, Соловьевъ на этомъ фонѣ изящной кистью рисуетъ фигуры царей, отличающіяся тонкостью психологической отдѣлки, тонкимъ пониманіемъ давно прошедшей жизни.

Герье назвалъ исторію Соловьева національной. Дѣйствительно, она заслуживаетъ такого названія, потому что въ ней вѣрно схвачены черты и форма историческаго развитія націи, потому что она написана чисто-русскимъ ученымъ, дорожившимъ основными устоями русской жизни, потому что она проникнута любовью къ своему народу. Значеніе, придававшееся Соловьевымъ православію, видно изъ слѣдующаго мѣста:

«И вотъ Римъ, пользуясь бѣдствіемъ Византіи, устраиваетъ дѣло соединенія церквей. Исидоръ, въ званіи митрополита всея Руси, подписываетъ во Флоренціи актъ соединенія; но въ Москвѣ этотъ актъ отвергнутъ, здѣсь рѣшились остаться при древнемъ благочестіи: одно изъ тѣхъ великихъ рѣшеній, которыя на многіе вѣка впередъ опредѣляютъ судьбы народовъ. Вѣрность древнему благочестію, провоз-

глашенная великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, поддержала самостоятельность сѣверовосточной Руси въ 1612 году, сдѣлала невозможнымъ вступленіе на московскій престолъ польскаго королевича, повела къ борьбѣ за вѣру въ польскихъ владѣніяхъ, произвела соединеніе Малой Россіи съ Великою, условило паденіе Польши, могущество Россіи и связь послѣдней съ единовѣрными народами Балканскаго полуострова (т. IV, стр. 372)».

Любовь къ родинѣ и вѣра въ мощь русскаго народа сказывается не разъ на страницахъ «Исторіи Россіи».

Но національное направленіе Соловьева никакъ не слѣдуетъ смѣшивать съ славянофильствомъ, котораго онъ чуждался и которое считалъ крайностью; его патріотизмъ былъ далекъ отъ самодовольства, отъ односторонняго восхваленія своего народа. Онъ самъ предупреждалъ противъ такого увлеченія, говоря слѣдующее:

«Конечно для славянина, т. е. преимущественно для русскаго, есть сильное искушеніе предположить, что племя, которое при всѣхъ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ умѣло устоять, окруженное варварствомъ, умѣло сохранить свой европейско-христіанскій образъ, образовать могущественное государство, подчинить Азію Европѣ, что такое племя обнаружило необыкновенное могущество духовныхъ силъ, и естественно рождается вопросъ: племя германское, поставленное въ такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, съумѣло ли бы сдѣлать то-же самое? Но непріятное восхваленіе своей національности, какое позволяютъ себѣ нѣмецкіе писатели, не можетъ увлечь русскихъ послѣдовать ихъ примѣру (т. XIII, стр. 8)».

Въ трудѣ Соловьева, какъ во всякомъ дѣлѣ человѣческомъ, есть конечно недостатки; послѣдніе томы — преимущественно царствованіе Екатерины — обработаны менѣе тщательно, чѣмъ первые восемнадцать томовъ, нѣкоторые его взгляды (напримѣръ родовая теорія) нуждаются въ оговоркахъ и поправкахъ. Но достоинства «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» таковы, что она едва-ли когда-нибудь потеряетъ свое значеніе, а за авторомъ ея навсегда сохранится мѣсто перваго русскаго историка XIX вѣка.

IV.

Сочиненія по философіи исторіи.

Несмотря на то, что двадцать девять томовъ «Исторіи Россіи» — такой трудъ, который немногимъ удается осуществить даже втеченіи очень долголѣтней жизни, Соловьевъ успѣлъ издать еще нѣсколько книгъ. Кромѣ упомянутыхъ уже сочиненій объ Александрѣ I

и Польшѣ, онъ написалъ общедоступныя чтенія о русской исторіи, два учебника: русской исторіи, переведенный между прочимъ на французскій языкъ и представляющій отличное пособіе для студентовъ, и курсъ новой исторіи. Въ разныхъ журналахъ онъ помѣщалъ статьи по русской и всеобщей исторіи, которыя впослѣдствіи вошли въ его «Исторію» и другія книги; множество мелкихъ замѣтокъ и рецензій разсѣяно по разнымъ періодическимъ изданіямъ; статьи эти послѣ появленія капитальныхъ трудовъ автора конечно потеряли свое значеніе. Не потеряли своего значенія очерки по исторіографіи, гдѣ дана оцѣнка русскихъ историковъ прошлаго и нынѣшняго вѣка: Татищева, Ломоносова, Щербатова, Болтина, Миллера, Карамзина, Шлецера. Статьи эти, очень важныя для спеціалистовъ, до сихъ поръ не изданы отдѣльно и ихъ приходится разыскивать въ разныхъ журналахъ пятидесятыхъ годовъ. Общій интересъ и важное значеніе для характеристики историческихъ воззрѣній Соловьева имѣютъ статьи, относящіяся къ области философіи исторіи и переизданныя въ книгѣ, озаглавленной «Сочиненія С. М. Соловьева». Спб. 1882.

Вся эта книга, съ начала до конца написанная прекраснымъ слогомъ, читается очень легко; своими широкими обобщеніями она приковываетъ вниманіе читателя и конечно въ значительной степени способствовала развитію нашего общества. Въ статьяхъ подъ заглавіемъ «Начала русской земли», начатыхъ за два года до смерти, Соловьевъ думалъ дать полную философію русской исторіи; къ сожалѣнію онъ успѣлъ написать только двѣ главы. Тутъ между прочимъ авторъ нашу отсталость, медленность нашего развитія объясняетъ обширностью территоріи.

«Россія,—говоритъ онъ,—есть обширнѣйшее государство въ мірѣ, заучиваемъ мы съ малолѣтства; въ лѣтахъ зрѣлыхъ стараемся уразумѣть смыслъ этихъ словъ. Чрезвычайная величина органическаго тѣла заставляетъ предполагать особенныя условія для поддержанія его строя, равновѣсія частей, заставляетъ опасаться за существованіе этихъ условій въ достаточной степени, за прочность тѣла, заставляетъ опасаться возможности ранняго его распаденія. Если обширное государство произошло путемъ завоеванія разныхъ народовъ однимъ какимъ-либо, то непрочность его очевидна; если произошло путемъ распространенія одного народа по обширной странѣ,—народа, постепенно крѣпнувшаго въ своемъ государственномъ строѣ, то это явленіе предполагаетъ чрезвычайную медленность движенія, отсталость сравнительно съ другими государствами, занимающими меньшую область, ибо всѣ государственныя отправленія въ обширной области должны совершаться медленно, особенно когда государство представляетъ обширную страну съ относительно небольшимъ, разбросаннымъ по ней, народонаселеніемъ; при такомъ отношеніи въ несплоченные ряды народонаселенія удобно прони-

каютъ чуждые, неудобоваримые въ народномъ организмѣ элементы; кромѣ того несплоченныя части народонаселенія должны приводиться въ связь и общее движеніе внѣшней силой, отчего правительственная дѣятельность должна достигать крайняго напряженія, не встрѣчая подмоги въ крѣпко сплоченной массѣ народонаселенія. Внутренній процессъ развитія совершается здѣсь чрезвычайно медленно, равновѣсіе между частями устанавливается очень нескоро, жизненныя силы народа по разнымъ обстоятельствамъ приливаютъ то къ тому, то къ другому концу, вслѣдствіе чего происходитъ перенесеніе правительственныхъ центровъ, столицъ, изъ одного угла въ другой, что̀ именно необходимо въ обширной странѣ: въ небольшой комнатѣ владѣлецъ ея, сидя въ срединѣ или въ одномъ углу, легко видитъ все, что̀ дѣлается вокругъ него, и все у него подъ руками, далеко ходить не нужно; въ помѣщеніи обширномъ съ середины, а тѣмъ менѣе изъ угла не видно, что̀ происходитъ въ другихъ частяхъ зданія; имѣя надобность въ чемъ-нибудь находящемся въ одномъ углу, должно совершать туда долгіе переходы и остановки.»

Уже раньше, въ пятидесятыхъ годахъ, Соловьевъ далъ характеристику до петровской Руси въ статьѣ «Древняя Россія», и въ публичныхъ чтеніяхъ объ установленіи государственнаго порядка въ Россіи представилъ общій ходъ русской исторіи до Петра Великаго. Продолженіемъ этихъ статей можно считать публичныя лекціи о Петрѣ Великомъ, читанныя въ 1872 году послѣ появленія соотвѣтствующихъ томовъ «Исторіи Россіи» и дополняющія ихъ; по этому сочиненію легче и удобнѣе ознакомиться съ дѣятельностью великаго Преобразователя, потому что подробности опущены и реформа представлена въ крупныхъ чертахъ. «Историческія письма», направленныя противъ отрицанія благъ цивилизаціи и прогресса, и «Наблюденія надъ исторической жизнью народовъ» даютъ много свѣдѣній по всеобщей исторіи и много общихъ мыслей. Въ послѣднемъ обширномъ изслѣдованіи, оставшемся къ сожалѣнію неоконченнымъ, Соловьевъ представилъ типическія черты восточныхъ странъ и народовъ, Китая, Египта, Ассиріи и Вавилона, Финикіи, Арійцевъ въ Азіи, Греціи и Рима, Галловъ и Германцевъ. Тутъ разбросано не мало оригинальныхъ взглядовъ, изъ которыхъ нѣкоторые получили впослѣдствіи подтвержденіе въ работахъ извѣстнаго историка Фюстель-де-Куланжа.

Соловьевъ смотрѣлъ очень широко на задачу историка.

«Исторія есть наука народнаго самопознанія,—говоритъ онъ.—Но самый лучшій способъ для народа познать самого себя—это познать другіе народы и сравнить себя съ ними; познать-же другіе народы можно только посредствомъ познанія ихъ исторіи. Познаніе это тѣмъ

обширнѣе и яснѣе, чѣхъ большее число народовъ становится предметомъ познаванія, и естественно рождается потребность достигнуть полноты знанія, изучить исторію всѣхъ народовъ, сошедшихъ съ исторической сцены и продолжающихъ на ней дѣйствовать, изучить исторію всего человѣчества, и такимъ образомъ исторія становится наукой самопознанія для цѣлаго человѣчества».

Но для того, чтобы исторія была дѣйствительно такой наукой, историкъ долженъ изучать прошлое безпристрастно, не покорствуя интересамъ настоящей минуты, не искажая историческихъ явленій, не затемняя, не извращая законовъ ихъ. Историкъ долженъ обращать вниманіе на всѣ стороны народной жизни.

«Успѣхъ въ изученіи исторіи зависитъ отъ многосторонности взгляда; ошибки происходятъ не отъ неправильности только взгляда вообще, но отъ того, что мы глядимъ на одну сторону явленія и спѣшимъ изъ этого разсматриванія вывести наше заключеніе, вывести общіе законы, объявляя другія взгляды, т. е. взгляды на другія стороны явленія, ложными. Взглядъ вполнѣ правильный есть взглядъ всесторонній». Историкъ долженъ обращать вниманіе на природу страны, такъ какъ вліяніе ея на жизнь народа безспорно; но народъ не находится въ исключительной зависимости отъ природы, онъ измѣняетъ природныя условія, выбираетъ мѣстность, которая представляется ему наиболѣе подходящей, поэтому нельзя терять изъ виду характеръ, природныя наклонности народа. Историкъ долженъ слѣдить за умственнымъ развитіемъ страны, онъ долженъ уяснить, что сдѣлало эту страну способной къ умственному развитію, вслѣдствіе чего умственное развитіе приняло то или другое направленіе. Но нельзя ограничиться одной этой стороной. Правительство представляетъ существенную сторону жизни народа. «Правительство въ той или другой формѣ своей есть произведеніе исторической жизни извѣстнаго народа, есть самая лучшая повѣрка этой жизни. Какъ скоро извѣстная форма правительственная не удовлетворяетъ болѣе потребностямъ народной жизни въ извѣстное время, она измѣняется съ большимъ или меньшимъ потрясеніемъ всего организма народнаго. Правительство, какая бы ни была его форма, представляетъ свой народъ, въ немъ народъ олицетворяется, и потому оно было, есть и будетъ всегда на первомъ планѣ для историка. Распоряженія правительства, его удачныя мѣры или ошибки могущественно дѣйствуютъ на народъ, содѣйствуютъ развитію народной жизни или препятствуютъ ему, принося благоденствіе большинству или меньшинству, или навлекаютъ на нихъ бѣдствія. Вотъ почему характеры правительственныхъ лицъ такъ важны для историка, такъ внимательно имъ изучаются, будь то неограниченный монархъ, будь то любимецъ этого монарха, будь то ораторы, вожди партій въ представительныхъ собраніяхъ, министры, поставленные во главѣ управленія перевѣсомъ той или другой партіи въ народномъ представительствѣ, будь то президентъ республики». «Историкъ, имѣющій на первомъ планѣ государственную жизнь, на томъ же планѣ имѣетъ и народную жизнь, ибо отдѣлять ихъ нельзя: народныя бѣдствія не мо

гуть быть для него неважными чертами уже и потому, что они имѣютъ рѣшительное вліяніе на государственныя отправленія, затрудняютъ ихъ, бываютъ причинами разстройствъ государственной машины, что вреднымъ образомъ дѣйствуетъ на народную жизнь».

Однако народная масса не можетъ быть непосредственно наблюдаема историкомъ; онъ изучаетъ ее только въ лицѣ ея представителей, вождей во время народныхъ движеній.

Въ чемъ-же видѣлъ Соловьевъ сущность историческаго процесса?—Въ развитіи, въ прогрессѣ. Правда, онъ отрицалъ безконечный прогрессъ или, лучше сказать, онъ находилъ, что безконечный прогрессъ нельзя считать научнымъ выводомъ, потому что онъ не опирается на твердыхъ научныхъ данныхъ. По его мнѣнію, европейскіе народы, слѣдуя общимъ законамъ природы, должны когда-нибудь вымереть, и мы не имѣемъ права утверждать, что племена монгольскія, малайскія или негрскія могутъ перенять у арійскаго племени дѣло цивилизаціи и вести его дальше. Но историческими народами онъ называлъ тѣ, которые имѣютъ способность развиваться. Соловьевъ сравнивалъ народную жизнь съ постоянно развивающимся организмомъ.

«Рядъ измѣненій, замѣчаемыхъ при развитіи сѣмени въ дерево или яйца въ животное, состоитъ въ движеніи отъ простоты и однообразія устройства къ его разнообразію и сложности. На первой ступени каждый зародышъ состоитъ изъ вещества однообразнаго во внутреннемъ составѣ и внѣшнемъ строеніи. Первый шагъ въ развитіи обозначается появленіемъ различія между частями этого вещества; потомъ каждая изъ различившихся частей начинаетъ въ свою очередь обнаруживать различіе частей. Процессъ этотъ безпрестанно повторяется и черезъ безконечное умноженіе такого выдѣленія частей образуется наконецъ сложная сѣть тканей и органовъ, составляющихъ животное или растеніе въ полномъ его развитіи. Это появленіе, которое мы называемъ прогрессомъ,—общее всѣмъ организмамъ, какъ природнымъ, такъ и общественному. Въ обществѣ, на низкой ступени развитія находящемся, дикарь производитъ самъ все для себя нужное; но потомъ постепенно является раздѣленіе занятій, образуются отдѣльные органы общественные. Въ обществахъ, недовольно развитыхъ, первосвященникъ и государь слиты въ одномъ лицѣ, религіозные и гражданскіе законы смѣшаны; въ силу прогресса все это мало по малу различается, раздѣляется. Тотъ-же самый прогрессъ въ языкѣ отъ однозвучія животныхъ до членораздѣльныхъ звуковъ человѣческихъ. Но прогрессъ не состоитъ въ одномъ безконечномъ членораздѣленіи; для образованія организма необходимо, чтобы части, органы, выдѣляясь, обозначаясь, находились въ тѣсной связи между собою; отдѣльнаго, тѣмъ менѣе враждебнаго положенія они имѣть не могутъ; движеніе, жизнь, прогрессъ условливаются соединеніемъ, слѣдствіе одиночества — безплодіе, неподвижность. — Чѣмъ развитѣе организмъ, чѣмъ развитѣе его члены, органы, тѣмъ въ болѣе тѣсной связи находятся они другъ съ другомъ, тѣмъ менѣе для нихъ возмож-

ности одиночнаго существованія. Этотъ общій законъ организма имѣетъ силу и въ примѣненіи къ высшему изъ организмовъ, организму общественному; но если среди организмовъ природныхъ чѣмъ выше организмъ, тѣмъ съ большой медленностью развивается, тѣмъ бо́льшаго требуетъ для себя старанія, ухода, то нечему удивляться, что организмъ общественный такъ медленно совершенствуется, что истины относительно его образованія достаются человѣчеству съ большимъ трудомъ». («Сочиненія», стр. 226—227).

Въ жизни народовъ, по мнѣнію Соловьева, какъ въ жизни каждаго живого организма, какъ въ жизни человѣка, можно различать разные возрасты, преимущественно юность и возмужалость (за которой слѣдуютъ конечно старость и смерть), періодъ чувства и періодъ мысли.

«Въ жизни историческихъ, доступныхъ развитію народовъ заключаются одинакія явленія, одинакіе періоды, потому что каждый народъ проходитъ извѣстные возрасты, развивается по тѣмъ-же законамъ, по какимъ развивается и отдѣльный человѣкъ. Въ первой половинѣ народъ живетъ, развивается преимущественно подъ вліяніемъ чувства: это время его юность, время сильныхъ страстей, сильнаго движенія, имѣющаго результатомъ зиждительность, творчество политическихъ формъ. Здѣсь, благодаря сильному огню, куются памятники народной жизни въ разныхъ ея сферахъ или по крайней мѣрѣ закладываются прочные фундаменты этихъ памятниковъ. Наступаетъ вторая половина народной жизни: народъ мужаетъ, и господствовавшее до сихъ поръ чувство уступаетъ мало по малу свое господство мысли. Такимъ образомъ въ жизни историческихъ, развивающихся народовъ мы признаемъ два періода, періодъ чувства и періодъ мысли; разумѣется, мы такъ выражаемся для краткости, собственно мы разумѣемъ періодъ господства чувства и періодъ господства мысли. Сомнѣніе, стремленіе повѣрить то, во что̀ прежде вѣрилось, что̀ признавалось истиннымъ, задать вопросъ — разумно или неразумно существующее, потрогать, пошатать, что̀ считалось до сихъ поръ непоколебимымъ, знаменуетъ вступленіе народа во второй періодъ, періодъ мысли». («Сочиненія», стр. 433).

Понятно, что при взглядѣ на исторію, какъ на внутренній процессъ, происходящій въ народномъ организмѣ, Соловьевъ не могъ приписывать великимъ людямъ преувеличеннаго значенія, но въ то-же время онъ указывалъ на вліяніе, какое отдѣльныя личности имѣютъ на общій ходъ исторіи. Вотъ прекрасная страница, гдѣ выяснено значеніе великихъ людей.

«Бываютъ въ жизни народовъ времена повидимому относительно тихія, спокойныя: живется, какъ жилось издавна, и вдругъ обнаруживается необыкновенное движеніе, и дѣло не ограничивается движеніемъ внутри извѣстнаго народа, оно обхватываетъ и другіе народы, которые претерпѣваютъ на себѣ слѣдствія движенія извѣстнаго народа. Чело-

вѣка, начавшаго это движеніе, совершавшаго его, человѣка, по имени котораго знаютъ его народъ современники, по имени котораго знаютъ его время потомки, такого человѣка называютъ великимъ. Въ то время, когда народы живутъ въ первый возрастъ своего бытія, возрастъ юный, для большинства народнаго очень продолжительный, когда люди поддаются господству чувства и воображенія, тогда великіе люди являются существами сверхъестественными, полубогами. Понятно, что при такомъ представленіи великій человѣкъ является силой, не имѣющей никакого отношенія къ своему вѣку и своему народу,—силой, дѣйствующей съ полнымъ произволомъ: народъ относится къ ней совершенно страдательно, безсознательно, безусловно подчиняется ей, страдательно носитъ на себѣ всѣ слѣдствія ея дѣятельности; великому человѣку принадлежитъ починъ во всемъ, онъ создаетъ, творитъ все средствами своей сверхъестественной природы. Христіанство и наука даютъ намъ возможность освободиться отъ такого представленія о великихъ людяхъ. Христіанство запрещаетъ намъ вѣрить въ боговъ и полубоговъ; наука указываетъ намъ, что народы живутъ, развиваются по извѣстнымъ законамъ, проходятъ извѣстные возрасты, какъ отдѣльные люди, какъ все живое, все органическое; что въ извѣстныя времена они требуютъ извѣстныхъ движеній, перемѣнъ, болѣе или менѣе сильныхъ, иногда отзывающихся болѣзненно на организмѣ, смотря по ходу развитія, по причинамъ, коренящимся во всей предшествовавшей исторіи народа. При такихъ движеніяхъ и перемѣнахъ, при такомъ переходѣ народа отъ одного порядка жизни своей къ другому, изъ одного возраста въ другой, люди, одаренные наибольшими способностями, оказываютъ народу наибольшую помощь, наибольшую услугу: они яснѣе другихъ сознаютъ потребность времени, необходимость извѣстныхъ перемѣнъ, движенія, перехода и силой своей воли, своей неутомимой дѣятельности побуждаютъ и влекутъ меньшую братію, тяжелое на подъемъ большинство, робкое передъ новымъ и труднымъ дѣломъ. Какъ люди, они должны и ошибаться въ своей дѣятельности, и ошибки эти тѣмъ виднѣе, чѣмъ виднѣе эта дѣятельность; иногда по силѣ природы своей и силѣ движенія, въ которомъ они участвуютъ на первомъ планѣ, они ведутъ движеніе за предѣлы, назначенные народной потребностью и народными средствами; это производитъ извѣстную неправильность, остановку въ движеніи, часто заставляетъ дѣлать шагъ назадъ, что̀ мы называемъ реакціей; но эта неправильность временная, а заслуга вѣчная, и признательные народы величаютъ такихъ людей великими и благодѣтелями своими. Такимъ образомъ великій человѣкъ является сыномъ своего времени, своего народа; онъ теряетъ свое сверхъестественное значеніе, его дѣятельность теряетъ характеръ случайности, произвола, онъ высоко поднимается, какъ представитель своего народа въ извѣстное время, носитель и выразитель народной мысли; дѣятельность его получаетъ великое значеніе, какъ удовлетворяющая сильной потребности народной, выводящая народъ на новую дорогу, необходимую для продолженія его исторической жизни. При такомъ взглядѣ на значеніе великаго человѣка и его дѣятельности высоко поднимается народъ: его жизнь, исторія является цѣльной, органической, неподверженной произволу, капризу одного сильнаго средствами человѣка, который можетъ остановить извѣстный ходъ развитія

и толкнуть народъ на другую дорогу, вопреки волѣ народной. Исторія народа становится достойной изученія, представляетъ уже не отрывочный рядъ біографій, занимательныхъ для воображенія людей, остановившихся на дѣтскомъ возрастѣ, но даетъ связное и стройное представленіе народной жизни, питающее мысль зрѣлаго человѣка, который углубляется въ исторію, какъ науку народнаго самопознанія». («Сочиненія», стр. 89—90).

Въ приведенномъ отрывкѣ выраженъ вполнѣ историческій взглядъ на великаго человѣка, примиряющій крайнія воззрѣнія, несогласный съ тѣми, для кого исторія есть исключительно дѣло героевъ, и съ тѣми, кто отрицаетъ всякое значеніе отдѣльной личности и вліяніе ея на общій ходъ событій.

Признавая блага цивилизаціи и необходимость прогресса, Соловьевъ естественно не могъ согласиться съ тѣми, кто восхвалялъ старинные порядки и призывалъ общество не къ дальнѣйшему развитію, а къ возвращенію назадъ. Онъ возставалъ противъ надѣлавшей у насъ много шума книги извѣстнаго нѣмецкаго писателя Риля, который совѣтовалъ своимъ соотечественникамъ вернуться къ первобытной жизни, восхищался цѣльностью и глубокомысліемъ древне-германскаго начала, еще не подвергшагося вліянію христіанства, и видѣлъ въ крестьянахъ вѣрныхъ хранителей старины.

Возставая противъ германофильства, Соловьевъ не могъ сочувствовать славянофильству, въ которомъ видѣлъ точно также протестъ противъ прогресса. Единственная его полемическая статья подъ заглавіемъ: «Шлецеръ и анти-историческое направленіе», написана съ цѣлью доказать ненаучность историческихъ взглядовъ славянофиловъ (въ «Русск. Вѣстникѣ» 1857 г. № 8). По мнѣнію Соловьева, русскій народъ—прежде всего народъ европейскій.

«Мы—европейцы и ничто европейское не можетъ быть намъ чуждо». «Русскій народъ, какъ народъ славянскій, принадлежитъ къ тому же великому арійскому племени, — племени-любимцу исторіи, какъ и другіе европейскіе народы, древніе и новые, и подобно имъ имѣетъ наслѣдственную способность къ сильному историческому развитію».

Русскіе люди древняго до петровскаго времени не были варварами. Варварскій народъ тотъ, который сдружился съ недостатками своего общественнаго устройства, не можетъ понять ихъ, не хочетъ слышать ни о чемъ лучшемъ; напротивъ, народъ никакъ не можетъ называться варварскимъ, если при самомъ неудовлетворительномъ общественномъ состояніи сознаетъ эту неудовлетворительность и стремится выйти къ порядку лучшему. Предки наши никогда не утрачивали европейско-христіанскаго образа, всегда были борцами

за цивилизацію. Допуская, что русскій народъ развивался, какъ всѣ европейскіе народы, нельзя признавать научными мнѣнія славянофиловъ, будто древнее русское общество выше новаго, будто существовало какое-то самобытное русское просвѣщеніе, отъ котораго мы отказались въ новое время, и вслѣдствіе заимствованнаго нами чуждаго намъ европейскаго образованія явилось неуваженіе къ святости правды, будто петровская реформа совершилась насильственно, Петръ совратилъ народъ съ настоящаго пути, будто мы должны чуждаться Европы, храня свою самобытность; это равносильно отрицанію науки и просвѣщенія, это—протестъ противъ прогресса. На это Соловьевъ возражалъ:

«Насъ упрекнутъ въ повтореніи вещей всѣмъ извѣстныхъ, если мы скажемъ, что назначеніе человѣка—жить въ обществѣ, что только въ обществѣ себѣ подобныхъ при постоянномъ и безпрепятственномъ размѣнѣ мыслей и плодовъ своей дѣятельности, при раздѣленіи занятій, при взаимномъ вспомоществованіи можетъ онъ развивать свои способности, извлекать изъ нихъ всевозможное для себя и для другихъ добро. Но что справедливо въ отношеніи къ одному человѣку, то справедливо и въ отношеніи къ цѣлому народу, который также можетъ развиваться и совершенствовать свой бытъ и въ нравственномъ, и въ матеріальномъ отношеніи только въ обществѣ другихъ народовъ. Что̀ мы замѣчаемъ въ народѣ, который живетъ особнякомъ?—Необходимо застой, ибо только разнообразное, новое, противоположное оживляетъ мысль и дѣятельность народа; однообразіе формъ, господствующее въ народѣ, который живетъ особнякомъ, необходимо усыпляетъ мысль и заставляетъ смотрѣть человѣка и цѣлый народъ на это постоянство формъ, какъ на нѣчто необходимо-вѣчное, носящее въ самомъ себѣ условіе самостоятельности и вѣчности, однимъ словомъ, какъ на нѣчто божественное. У народовъ языческихъ это ведетъ прямо къ обоготворенію формъ и отношеній, постоянно существующихъ, освященныхъ этимъ постоянствомъ, долговременностью; но и народы христіанскіе, если долго живутъ особнякомъ, не освобождаются отъ суевѣрнаго поклоненія формамъ, обряду, буквѣ, чему яснымъ доказательствомъ служитъ русское раскольничество, естественный и необходимый плодъ особной жизни народа. Итакъ, если человѣкъ для полноты своего человѣческаго развитія долженъ жить въ обществѣ себѣ подобныхъ, если народъ для полноты своего народнаго развитія долженъ жить въ обществѣ другихъ народовъ, то вопросъ рѣшенъ о значеніи петровской эпохи,—эпохи преобразованія, вопросъ рѣшенъ объ отношеніяхъ древней Россіи къ новой. Древнее русское общество, несмотря на величіе подвиговъ, совершенныхъ имъ въ дѣлѣ внѣшняго государственнаго созиданія, въ преодолѣніи препятствій, этому созиданію противопоставленныхъ, не могло двигаться далѣе на пути нравственныхъ и матеріальныхъ улучшеній, не вступивъ въ семью европейско-христіанскихъ народовъ, да и по характеру своему не могло не вступить въ эту семью при первой возможности. Слѣдствія особной жизни такъ явны въ нашей древ-

ней исторіи, что объ нихъ не нужно много распространяться: безсознательное, суевѣрное подчиненіе обычаю, обряду, формѣ, буквѣ, ослабленіе вѣры въ духъ, который живетъ, слишкомъ явны» («Шлецеръ и анти-историческое направленіе», стр. 461—464).

Соловьевъ доказывалъ славянофиламъ, что ихъ взглядъ на Петра Великаго такъ-же ненаученъ, какъ старинное воззрѣніе, будто Петръ привелъ Россію отъ небытія къ бытію.

«Люди, которые обнаружили несочувствіе къ дѣлу Петра, вмѣсто противодѣйствія крайности приведеннаго взгляда, перегнули дугу въ противоположную сторону; крайности сошлись и опять надобно было проститься съ исторіей. Россія по новому взгляду не только не находилась въ небытіи до Петра, но наслаждалась бытіемъ правильнымъ и высокимъ, все было хорошо, нравственно, чисто и свято; но вотъ явился Петръ, который нарушилъ правильное теченіе русской жизни, уничтожилъ ея свободный, народный строй, попралъ народные нравы и обычаи, произвелъ рознь между высшими и низшими слоями народонаселенія, заразилъ общество иноземными обычаями, устроилъ государство по чужому образу и подобію, заставилъ русскихъ людей потерять сознаніе о своемъ, о своей народности. Опять божество, опять сверхъестественная сила, опять исчезаетъ исторія народа, развивающаяся сама изъ себя по извѣстнымъ законамъ, при вліяніи особенныхъ условій, которыя отличаютъ жизнь одного народа отъ жизни другого» («Сочиненія», стр. 91).

Въ развитіи народовъ Соловьевъ придавалъ большое значеніе духовному началу, и въ матеріализмѣ, часто господствующемъ въ обществѣ, видѣлъ причину, приводящую къ старческому безсилію и смерти.

«Матеріализмъ,—говоритъ онъ,—и неизбѣжная притомъ односторонность, узкость, мелкость взгляда наводнили общество: удовлетвореніе физическихъ потребностей становится на первомъ планѣ, человѣкъ перестаетъ вѣрить въ свое духовное начало, въ его вѣчность, перестаетъ вѣрить въ свое собственное достоинство, въ святость и неприкосновенность того, что̀ лежитъ въ основѣ его человѣчности, его человѣческой, т. е. общественной жизни, является стремленіе сблизить человѣка съ животнымъ, породниться съ нимъ; печной горшокъ становится дороже бельведерскаго кумира, удобство, нѣжащее тѣло, предпочтительнѣе красоты, возвышающей духъ; при такомъ направленіи живое искусство исчезаетъ, замѣняется мертвой археологіей; вмѣсто стремленія поднять меньшую братію является стремленіе унизить всѣхъ до меньшой братіи, уравнять всѣхъ, поставивъ на низшую ступень человѣческаго развитія; а между тѣмъ стремленіе выйти изъ тяжкаго положенія, выйти изъ міра, источеннаго до тла червемъ сомнѣнія и потому разсыпающагося прахомъ, стремленіе найти что-нибудь твердое, къ чему-бы можно было прикрѣпиться, т. е. потребность вѣры не исчезаетъ, и подлѣ невѣрія видимъ опять суевѣріе, но не поэтическое суевѣріе

народной юности, а печальное, сухое, старческое суевѣріе». Человѣкъ не можетъ жить однимъ разумомъ, и религія является для него необходимостью. «Религіозное чувство утверждается на невѣріи, на невѣріи въ средства человѣка, въ средства его разума, невѣріи, основанномъ на ежедневномъ и вѣковомъ, вѣчномъ опытѣ; религіозный человѣкъ есть человѣкъ положительный, который не можетъ стоять на колеблющейся, измѣняющейся почвѣ, который не можетъ успокоиться на вѣрѣ въ безконечный прогрессъ, потому что въ основаніи ея видитъ одно предположеніе постоянно выгодныхъ условій для явленія, предположеніе произвольное, не утвержденное на точныхъ наблюденіяхъ. Человѣкъ не религіозный не вѣритъ въ такъ называемыя сверхъестественныя явленія, необходимыя для положительной религіи, требующей непосредственнаго участія Божества въ ея установленіи; онъ вѣритъ въ средства разума человѣческаго». Христіанство вполнѣ успокоиваетъ религіознаго человѣка, потому что ставитъ наивысшее основаніе нравственности—любовь, основаніе незыблемое, вѣчное при всевозможныхъ измѣненіяхъ отношеній между людьми, при всевозможныхъ измѣненіяхъ политическихъ формъ, на всевозможныхъ ступеняхъ цивилизаціи». («Сочиненія», стр. 435, 443).

Соловьевъ посвятилъ отдѣльную статью доказательству того положенія, что въ сферѣ религіи не можетъ быть прогресса; вѣрить можно только въ абсолютное, истинное, и такъ какъ христіанство обладаетъ абсолютной истиной, то, по его мнѣнію, совершенствоваться можетъ только человѣчество, приближаясь къ религіозному идеалу, а никакъ не сама религія.

«Христіанство, поставивъ такое высокое нравственное требованіе, которому человѣчество, по слабости своихъ средствъ, удовлетворить не можетъ, по тому самому есть религія вѣчная. Извѣстная религія тогда только можетъ уступить мѣсто другой высшей, когда человѣчество въ своемъ развитіи переступитъ ея требованія, которыя окажутся ниже его нравственныхъ стремленій, какъ и дѣйствительно случилось съ религіями наиболѣе развитыхъ народовъ древности передъ пришествіемъ Спасителя; но когда требованія, выставленныя религіей, такъ высоки, что пребудутъ для человѣчества недосягаемымъ идеаломъ, то какое основаніе мечтать о какой-то новой высшей религіи? Позволительна ли такая мечта на основаніи прогресса, когда прогрессъ именно условливается недосягаемостью идеала? Такимъ образомъ прогрессъ нисколько не противорѣчитъ христіанству, ибо онъ есть произведеніе слабости человѣческихъ средствъ и высоты религіозныхъ требованій, поставленныхъ христіанствомъ; христіанство подымаетъ человѣчество на высоту, и это-то стремленіе человѣчества къ идеалу, выставленному христіанствомъ, есть прогрессъ въ мірѣ нравственномъ и общественномъ». («Прогрессъ и религія» въ «Сочинен.», стр. 282, 284).

Соловьевъ ратовалъ за прогрессъ, онъ ополчался на тѣхъ, кто призывалъ наше общество назадъ къ стародавнимъ порядкамъ, онъ

старался противодѣйствовать матеріализму, поддержать вѣру въ идеалъ, въ торжество добра и правды. Широкій взглядъ на исторію и ея задачи, гуманныя начала, которыя онъ проповѣдывалъ, придаютъ его сочиненіямъ большое культурное значеніе; не только какъ автору «Исторіи Россіи», но и какъ поборнику истиннаго просвѣщенія, какъ историку-мыслителю должно быть отведено ему почетное мѣсто въ исторіи нашей литературы.

V.

Образъ мыслей.—Образъ жизни.—Характеръ С. М. Соловьева.

Въ ранней молодости Соловьевъ, какъ было уже сказано, увлекался славянофильствомъ и русофильствомъ, узкимъ націонализмомъ и ложно понятымъ патріотизмомъ. Серьозныя занятія исторіей скоро убѣдили его, что онъ стоитъ на ложномъ пути, и по защитѣ магистерской диссертаціи онъ примкнулъ къ западникамъ. Главой этого кружка былъ Грановскій, вокругъ котораго группировались самые выдающіеся профессора сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, люди талантливые, европейски образованные, ученые, оставившіе послѣ себя крупный слѣдъ, обогатившіе русскую науку цѣнными произведеніями, Кавелинъ, Рѣдкинъ, Кудрявцевъ, Бабстъ, Чичеринъ; къ кружку западниковъ принадлежали въ то время и Катковъ съ Леонтьевымъ. Общество молодыхъ профессоровъ особенно сплотилось въ тяжелые для Россіи годы, наступившіе послѣ французской революціи 1848 года (1848-1855 г.). Дружба молодыхъ людей помогла имъ пережить тяжелое время, не теряя вѣру въ идеалъ и надежду на лучшее будущее, которое дѣйствительно наступило. Проф. Герье, хорошо знавшій кружокъ западниковъ, написалъ о нихъ слѣдующую прекрасную страницу:

«Въ тѣ дни, когда Соловьевъ готовился къ своему призванію, вниманіе русскаго общества занималъ вопросъ объ отношеніяхъ русскаго народа къ другимъ европейцамъ, національнаго духа къ общечеловѣческому просвѣщенію, и различные взгляды на этотъ предметъ выразились въ литературныхъ направленіяхъ и партіяхъ. Приверженцы европейскаго, общечеловѣческаго были названы западниками; названіе одностороннее, неправильное, потому что указывало на внѣшній признакъ явленія, упуская изъ виду его сущность; названіе несправедливое, потому что заключало въ себѣ укоръ, а укоръ

могъ только относиться къ увлеченію, къ злоупотребленію новымъ принципомъ, которыя вовсе не вытекали изъ самаго принципа, въ самомъ себѣ вѣрнаго. Западники 30-50-хъ годовъ имѣли право на совершенно иное названіе. Это были русскіе гуманисты. Нѣтъ основанія пріурочивать этотъ терминъ исключительно къ эпохѣ Ренессанса, къ людямъ, проводившимъ тогда въ европейскомъ обществѣ греко-римскую образованность. Ихъ дѣятельность положила собственно только начало европейскому гуманизму. Идеалы гуманизма развивались и расширялись подъ вліяніемъ европейской науки и европейской мысли. Самое пониманіе классическаго міра и его цивилизаціи сдѣлалось со временемъ вѣрнѣе и глубже. Итальянскіе гуманисты XV и XVI вѣковъ искали свои идеалы преимущественно въ Римѣ, и здѣсь отчасти въ эпохѣ перерожденія и паденія античной цивилизаціи. Высшій цвѣтъ этой цивилизаціи былъ раскрытъ только въ XVIII вѣкѣ, когда основаніе новой эпохи гуманизма было положено Винкельманомъ. На этомъ гуманизмѣ воспитались классическіе поэты Германіи: Лессингъ, Гердеръ, Шиллеръ и Гёте, которые внесли гуманистическій элементъ въ нѣмецкую литературу и этимъ подняли культуру нѣмецкую, дали ей міровое значеніе. Здѣсь гуманизмъ получилъ иной, болѣе широкій смыслъ, что̀ выразилось уже въ самомъ измѣненіи значенія слова «гуманный»; классическій гуманизмъ сдѣлался лишь однимъ изъ составныхъ элементовъ европейскаго гуманизма, т. е. гуманнаго, общечеловѣческаго начала. Въ этотъ европейскій гуманизмъ стали тогда входить двѣ новыя живительныя струи, идеалистическая философія, которая внесла въ духовный міръ человѣка пониманіе исторіи, идею законнаго, мирнаго, органическаго развитія, идею прогресса и политическій либерализмъ, которому положилъ прочное основаніе переворотъ 1789 года. Этотъ обогащенный, облагороженный новыми идеями XIX вѣка гуманизмъ—продуктъ европейской общечеловѣческой цивилизаціи — вотъ что пытались провести въ наше общество русскіе гуманисты, такъ называемые западники сороковыхъ годовъ. Не замѣну національнаго западнымъ ставили они себѣ цѣлью, а воспитаніе русскаго общества на европейско универсальной культурѣ, чтобы поднять національное развитіе на степень общечеловѣческаго, дать ему міровое значеніе».

Въ 1846 году Соловьевъ попалъ въ кружокъ славянофиловъ по слѣдующему поводу. Константинъ Аксаковъ писалъ историческую драму «Освобожденіе Москвы 1612 года» и пожелалъ выслушать мнѣніе спеціалиста. Онъ пригласилъ къ себѣ Соловьева и, когда тотъ лестно отозвался о его драмѣ, К. Аксаковъ воспламенился къ нему,

ходилъ къ нему на лекціи и сталъ считать его своимъ. Соловьевъ дѣйствительно посѣщалъ нерѣдко домъ его отца, С. Т. Аксакова, гдѣ бывало много народу и гдѣ весело проводили время. Тутъ онъ познакомился съ корифеями славянофильства: Хомяковымъ, Кошелевымъ, Кирѣевскимъ, Ив. Аксаковымъ, но большой симпатіи онъ къ нимъ никогда не питалъ; онъ считалъ ихъ людьми несерьезными, недостаточно образованными, многихъ признавалъ легкомысленными болтунами. Взгляды ихъ онъ находилъ не историческими, не могъ мириться съ ихъ восхваленіемъ древней Руси, съ ихъ отрицательнымъ отношеніемъ къ европейскому образованію и реформѣ Петра Великаго.

Хотя Соловьевъ по своимъ воззрѣніямъ больше подходилъ къ западникамъ, но у него была и точка соприкосновенія съ славянофилами. Тогда какъ западники не придавали никакого значенія религіи, Соловьевъ не только дорожилъ религіей вообще, но и православіемъ въ частности. Въ нашей исторіи православіе, по мнѣнію Соловьева, сыграло важную роль: оно могущественно содѣйствовало утвержденію самодержавія, оно помѣшало королевичу польскому Владиславу стать русскимъ царемъ въ 1612 году, оно отняло Малороссію у Польши и дорушило послѣднюю, собравъ всю восточную Европу въ одно цѣлое подъ именемъ Россіи. Сравнивая православіе съ католицизмомъ и протестантизмомъ, онъ безусловно становится на сторону перваго. Католицизмъ по его мнѣнію препятствуетъ движеніи народа впередъ, никакъ не можетъ ужиться съ новыми потребностями жизни, а дѣятельность его духовенства отличается непріятнымъ полицейскимъ характеромъ. О протестантизмѣ-же онъ высказался, слѣдующимъ образомъ характеризуя дѣятельность Лютера въ своемъ курсѣ новой исторіи.

«Страстный, увлекающійся, раздраженный борьбою на жизнь и на смерть, Лютеръ шелъ все дальше и дальше. Подлѣ законнаго требованія уничтоженія свѣтской власти папы, требованія самостоятельности національныхъ церквей, требованія брака для духовенства, пріобщенія подъ обоими видами (тѣломъ и кровью Христовыми), Лютеръ высказываетъ сомнѣнія относительно пресуществленія, вооружается противъ седмеричнаго числа таинствъ; вооружаясь противъ наростовъ, образовавшихся въ западной латинской церкви, онъ сталъ касаться вѣрованій церкви вселенской, и по какому праву? Вселенская церковь утверждаетъ свои вѣрованія на вселенскихъ соборахъ, путемъ единственно законнымъ; а реформаторъ общему соглашенію противопоставилъ личное мнѣніе, личный произволъ, что вело, вмѣсто очищенія церкви, къ революціи, къ анархіи. Опасный шагъ былъ сдѣланъ. Поль-

зуясь провозглашенной свободой въ объясненіи Св. Писанія, всякій могъ объяснять его, какъ ему угодно; авторитетъ церкви отвергнутъ; граница между свободой и своеволіемъ не указана. Если, по слабости человѣческой природы, авторитетъ стремится перейти въ деспотизмъ, то съ другой стороны свобода, отрѣшившись отъ авторитета, стремится перейти въ своеволіе, въ анархію, стремится къ освобожденію человѣка отъ всевозможныхъ авторитетовъ, отъ всевозможныхъ связей».

Подъ этими строками съ удовольствіемъ подписались-бы Хомяковъ и Аксаковъ.

Понятно, что, примкнувъ къ кружку западниковъ, Соловьевъ не помѣщалъ своихъ статей въ славянофильскихъ журналахъ, но участвовалъ только въ органахъ прогрессивныхъ, умѣренно либеральныхъ. Въ сороковыхъ годахъ онъ работалъ въ «Современникѣ» и въ «Отечественныхъ Запискахъ», въ пятидесятыхъ годахъ—въ тѣхъ же журналахъ (до 1857 года) и въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (до 1865 года) до тѣхъ поръ, пока этотъ журналъ не принялъ особенной несимпатичной Соловьеву окраски. Съ 1868 года онъ началъ работать въ «Вѣстникѣ Европы», отдавая свои статьи или въ этотъ журналъ, или въ спеціальныя изданія, избѣгая органовъ крайняго направленія. Соловьевъ писалъ исключительно статьи историческія, въ которыхъ не любилъ уклоняться въ сторону и говорить о современности. Только разъ онъ обмолвился слѣдующими фразами, не имѣвшими прямого отношенія къ предмету, о которомъ онъ писалъ:

«Настоящее правительство не задерживаетъ свой народъ, не видитъ настоящаго народа только въ неподвижной массѣ; оно вызываетъ изъ массы лучшія силы и употребляетъ ихъ на благо народа; оно не боится этихъ силъ, оно въ тѣсномъ союзѣ съ ними. Чтобы не бояться ничего, правительство должно быть либерально, чтобы поддерживать и развивать въ народѣ жизненныя силы, постоянно кропить его живою водою, не допускать въ немъ застоя, слѣдовательно гніенія, не задерживать его въ состояніи младенчества, нравственнаго безсилія, которое въ минуту искушенія дѣлаетъ его неспособнымъ отразить ударъ, встрѣтить твердо и спокойно, какъ прилично мужамъ, всякое движеніе, всякую новизну, критически относиться къ каждому явленію; народу нужно либеральное, широкое воспитаніе, чтобы ему не колебаться, не мястись при первомъ порывѣ вѣтра, не восторгаться первымъ громкимъ и красивымъ словомъ, не дурачиться и не бить стеколъ, какъ дѣти, которыхъ долго держали взаперти и вдругъ выпустили на свободу. Но либеральное правительство должно быть сильно, и сильно оно тогда, когда привлекаетъ къ себѣ лучшія силы народа, опирается на нихъ; правительство слабое не можетъ проводить либеральныхъ мѣръ спокойно, оно рискуетъ подвергнуть народъ тѣмъ болѣзненнымъ припадкамъ, которые называются революціями, ибо, возбудивъ, освободивъ извѣстную силу, надобно и направить ее. Прави-

тельство сильное имѣетъ право быть безнаказанно либеральнымъ, и только люди очень близорукіе считаютъ нелиберальныя правительства сильными, думаютъ, что эту силу они пріобрѣли вслѣдствіе нелиберальныхъ мѣръ. Давить и душить очень легкое дѣло, особенной силы здѣсь не требуется. Дайте волю слабому ребенку, и сколько хорошихъ вещей онъ перепортитъ, перебьетъ и переломаетъ. Обращаться съ вещами безжизненными очень просто; но другіе пріемы, потруднѣе и посложнѣе, требуются при обращеніи съ тѣломъ живымъ, при охраненіи и развитіи жизни». («Ист. Александра» I, стр. 197—198).

Соловьевъ говорилъ самъ о себѣ, что его считали либераломъ въ царствованіе Николая и консерваторомъ въ царствованіе Александра II. Это совершенно понятно. Соловьевъ былъ цѣльнымъ человѣкомъ, имѣвшимъ очень твердыя, но умѣренныя убѣжденія. Мнѣнія, казавшіяся опасными въ Николаевское время, стали считаться отсталыми крайними представителями шестидесятыхъ годовъ, съ которыми Соловьевъ не имѣлъ ничего общаго. Его могли считать консерваторомъ за его религіозныя убѣжденія, за его уваженіе къ авторитетамъ, за то, что онъ, сочувствуя вообще благодѣтельнымъ реформамъ Александра II, относился къ нимъ не безъ критики; но во всякомъ случаѣ онъ не сочувствовалъ крайностямъ консервативнаго направленія. Соловьева можно, кажется, охарактеризовать тѣми словами, которыя говоритъ о себѣ его сослуживецъ по академіи и старшій современникъ, А. В. Никитенко: «Есть прогрессъ сломя голову и прогрессъ постепенный. Еслибы надо было себя оформулировать одною изъ тѣхъ категорій, на какія принято подраздѣлять политическія мнѣнія въ Европѣ, я-бы назвалъ себя умѣреннымъ прогрессистомъ. Я худо вѣрю въ тѣ ученія, которыя обѣщаютъ обществу безпрерывное счастье и усовершенствованіе, но вѣрю въ необходимость для человѣческаго развитія, на всякой степени котораго для него воздвигается извѣстная мѣра благъ съ неизбѣжной примѣсью извѣстныхъ золъ. Вѣрю, что не итти путемъ этого развитія,—значитъ противиться закону природы и подвергаться произвольно такимъ опасностямъ и бѣдствіямъ, которыхъ избѣжать есть долгъ разумнаго существа. Какъ природа испытываетъ перемѣны времени года и съ каждой перемѣной производитъ новыя существа и новыя явленія, не выходя изъ общей сферы, опредѣляющей ея дѣятельность, такъ и человѣчество не можетъ оставаться неподвижнымъ и должно раскрывать въ исторической послѣдовательности тѣ силы, какія составляютъ его содержаніе». («Дневникъ» Никитенко, т. II, стр. 77)

Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ былъ преимущественно и прежде всего человѣкомъ долга, свято исполнявшимъ свои обязанности.

Этимъ объясняется весь образъ его жизни. Своей главной обязанностью онъ считалъ служеніе государству, а также и своему семейству. Служеніе государству онъ исполнилъ двояко, съ одной стороны—занимая каѳедру, съ другой стороны—работая надъ «Исторіей Россіи». Соловьевъ извѣстенъ былъ какъ самый аккуратный профессоръ во всемъ университетѣ. Онъ не только не позволялъ себѣ пропускать лекцій даже при легкомъ нездоровьи или въ дни какихъ-нибудь семейныхъ праздниковъ, но и никогда не опаздывалъ на лекціи, всегда входилъ въ аудиторію въ четверть назначеннаго часа минута въ минуту, такъ что студенты повѣряли часы по началу Соловьевскихъ лекцій. Имѣя тридцать лѣтъ отъ роду, Соловьевъ задался цѣлью написать подробную исторію Россіи и этой цѣли посвятилъ тридцать лѣтъ своей жизни, разсчитывая отдохнуть по окончаніи своего труда. Онъ не дожилъ до этой счастливой минуты и отдохнуть ему не пришлось. Жизнь его была жизнью труженика, жизнью отшельника, совершавшаго трудный подвигъ въ своей одинокой кельѣ, откуда онъ выходилъ только для обѣда или вечерняго чаепитія. Чтобы выпускать ежегодно томъ «Исторіи Россіи», читать нѣсколько лекцій въ недѣлю, исполнять при этомъ постороннія служебныя обязанности, писать журнальныя статьи, необходимо было работать постоянно, безъ устали, необходимо было очень точно соразмѣрять свое время, и Соловьевъ, этотъ чисто русскій человѣкъ, велъ образъ жизни аккуратный до педантизма, похожій скорѣе на жизнь нѣмецкаго ученаго. Онъ вставалъ въ шесть часовъ и, выпивъ полбутылки сельтерской воды, принимался за работу; ровно въ девять часовъ онъ пилъ утренній чай, въ 10 часовъ выходилъ изъ дому и возвращался въ половинѣ четвертаго; въ это время онъ или читалъ лекціи, или работалъ въ архивѣ, или исправлялъ другія служебныя обязанности. Въ четыре часа Соловьевъ обѣдалъ и послѣ обѣда опять работалъ до вечерняго чая, т. е. до 9 часовъ. Послѣ обѣда онъ позволялъ себѣ отдыхать; отдыхъ заключался въ томъ, что онъ занимался легкимъ чтеніемъ, но романовъ не читалъ, а любилъ географическія сочиненія, преимущественно путешествія. Въ 11 часовъ онъ неизмѣнно ложился спать и спалъ всего 7 часовъ въ сутки.

Лѣтомъ Соловьевъ гулялъ по нѣсколько часовъ, но все-таки трудился почти столько, какъ зимой, и только мечталъ по окончаніи своего капитальнаго труда предпринять путешествіе по Россіи. Времяпровожденіе его на подмосковныхъ дачахъ видно изъ слѣдующаго разсказа А. Д. Галахова: «Нѣсколько лѣтъ сряду вакаціонное

время (три мѣсяца) проводилъ я въ одной изъ прекрасныхъ окрестностей Москвы, въ селѣ Покровскомъ, принадлежавшемъ Глѣбову-Стрѣшневу. Рядомъ съ нашей дачей помѣщалось почтенное, всѣми уважаемое семейство Сергѣя Михайловича Соловьева. По трудолюбію, неизмѣнности въ распредѣленіи времени для своихъ работъ и точности ихъ исполненія, Сергѣй Михайловичъ могъ служить образцомъ. Всѣ удивлялись ему, но никто не могъ сравняться съ нимъ въ этомъ отношеніи. Отсутствіе аккуратности, постоянства въ дѣлахъ было въ большинствѣ случаевъ Ахиллесовой пятой москвича; у него-же, сказать безъ преувеличенія, ни минуты не пропадало напрасно. Вотъ какъ онъ проводилъ шесть рабочихъ дней въ недѣлю: въ восемь часовъ утра, еще до чаю, онъ отправлялся иногда одинъ, но большей частью съ супругой, черезъ помѣщичій садъ въ рощу, по такъ называемой Елизаветинской дорожкѣ, въ концѣ которой стояла скамейка. Онъ садился на эту скамейку, вынималъ изъ кармана нумеръ «Московскихъ Вѣдомостей», доставленный ему наканунѣ, но не прочитанный тотчасъ по доставкѣ, такъ какъ это чтеніе оторвало-бы его отъ болѣе серьезнаго занятія; чтеніе газеты, какъ легкое дѣло, соединялось съ прогулкой, дѣломъ пріятнымъ. Обратный путь совершался по той же дорожкѣ. Ровно въ 9 часовъ онъ пилъ чай, а затѣмъ отправлялся въ мезонинъ, гдѣ и запирался, именно запирался, погружаясь въ работу до завтрака, а послѣ завтрака—до обѣда. Никто въ эти часы не безпокоилъ его, входъ воспрещался всѣмъ безъ исключенія. Близкіе знакомые нерѣдко удивлялись такому ригоризму, даже подсмѣивались надъ нимъ. Иногда они спрашивали дочку его (въ то время шестилѣтнюю): «Вѣрочка, сколько разъ ты была у папаши въ кабинетѣ?»—«Ни разу», отвѣчала она. Конечно очень немного такихъ отцовъ, которые запретили-бы дѣтямъ входить въ свою рабочую комнату, но съ другой стороны еще меньше такихъ, которые оставили-бы послѣ себя двадцать-девять томовъ отечественной исторіи и томовъ десять, если не болѣе, другихъ ученыхъ трудовъ. Воскресный день былъ для нашего историка истинной субботой, то есть покоемъ. Утромъ онъ ходилъ къ обѣднѣ съ своимъ семействомъ, а затѣмъ освобождалъ себя отъ всякихъ занятій и проводилъ время въ кругу близкихъ людей, преимущественно товарищей по университету, пріѣзжавшихъ къ нему на обѣдъ и остававшихся до поздняго вечера. Почти каждое воскресенье бывали у него Ешевскій, Н. А. Поповъ, Кетчеръ, В. Ѳ. Коршъ, Дмитріевъ, Забѣлинъ, Аѳанасьевъ и многіе другіе. Всѣ и всегда находились въ самомъ пріятномъ, веселомъ расположеніи духа. Говоръ и хохотъ

почти не умолкали. Самъ хозяинъ подавалъ примѣръ своимъ искреннимъ, задушевнымъ, почти что дѣтскимъ смѣхомъ, который былъ свойственъ москвичамъ того времени. А если завязывался споръ, то ужъ это былъ споръ на славу, громкій, жаркій и продолжительный». («Истор. Вѣстн.» 1892 г. № 2).

Разсказъ Галахова относится къ самому началу шестидесятыхъ годовъ, но образъ жизни Соловьева не мѣнялся до самой смерти.

Нужна желѣзная воля, чтобы, подобно Соловьеву, всецѣло посвятить себя служенію наукѣ; нужно быть сильнымъ духомъ, чтобы въ молодые годы побороть въ себѣ всѣ тѣлесные инстинкты, не позволять себѣ никакихъ увлеченій, ни малѣйшаго отступленія отъ предначертанной себѣ суровой программы. Онъ жилъ исключительно въ своей работѣ, въ области своихъ мыслей, не позволялъ себѣ почти никакихъ развлеченій. Къ своимъ знакомымъ онъ ходилъ только съ праздничными визитами и посѣщалъ ихъ по вечерамъ въ очень рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ. Для близкихъ людей домъ его былъ открытъ разъ въ недѣлю, по пятницамъ, и тутъ онъ былъ радушнымъ и любезнымъ хозяиномъ, не позволявшимъ однако гостямъ засиживаться слишкомъ долго, потому что это нарушило-бы его обычный образъ жизни и завтрашній трудовой день. Развлеченія онъ позволялъ себѣ исключительно по субботамъ: въ этотъ день онъ обѣдалъ въ англійскомъ клубѣ и послѣ обѣда отправлялся въ итальянскую оперу, гдѣ наслаждался музыкой и пѣніемъ, которое очень любилъ.

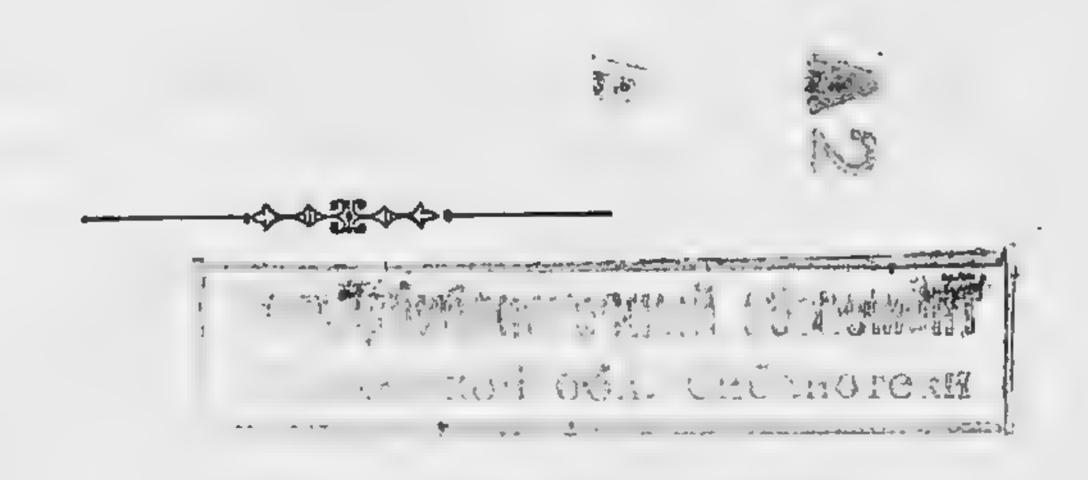
Отшельникъ, посвятившій себя наукѣ, не можетъ не быть серьезенъ и даже суровъ. Серьезное отношеніе къ жизни и къ своей обязанности сказывалось и во внѣшности Соловьева. Онъ былъ очень сосредоточенъ, мало сообщителенъ, не любилъ болтовни о пустякахъ. Это не мѣшало ему по временамъ, особенно въ молодости, добродушно подшучивать надъ своими знакомыми. Любимой его шуткой было писать записки на старинномъ русскомъ языкѣ, которымъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ. Во время празднества послѣ диспута К. С. Аксакова (это было въ 1847 году) Соловьевъ прочиталъ сочиненное имъ сказаніе о томъ, какъ славяне, т. е. славянофилы, ѣздили жениться, написанное по поводу помолвки одного изъ славянофиловъ Панова, и этимъ вызвалъ всеобщій смѣхъ. Нѣсколько суровое обращеніе Соловьева со студентами и дѣтьми объясняется тѣмъ, что онъ высоко ставилъ авторитетъ родительской власти и профессорскаго званія и, самъ подчиняясь авторитетамъ, требовалъ, чтобы и ему подчинялись. Но подъ суровой оболочкой скрывалось отзыв-

чивое, любящее сердце, скрывался человѣкъ, всегда готовый помочь своему ближнему въ бѣдѣ.

Соловьевъ не могъ дѣйствовать иначе, не поступая въ разрѣзъ со своими убѣжденіями. Какъ человѣкъ глубоко вѣрующій, онъ былъ проникнутъ сущностью христіанства, религіи любви и всепрощенія. Религія играла въ его жизни большую роль; въ тяжелыя минуты его поддерживала искренняя вѣра во всемогущаго Бога. Онъ былъ не только человѣкомъ религіознымъ, но и набожнымъ. Придавая значеніе обрядамъ, какъ внѣшнимъ формамъ, выражающимъ внутреннее содержаніе, онъ по воскресеньямъ и большимъ праздникамъ всегда ходилъ въ церковь, ежегодно исповѣдывался и причащался.

Когда смотришь на полку, уставленную двадцатью девятью томами «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ», когда соображаешь, что этой полки не хватило бы, еслибы собрать *всѣ* его сочиненія, то невольно удивляешься упорному трудолюбію, великому таланту, могучей волѣ этого рѣдкаго у насъ ученаго. Не скоро забудетъ его имя читающая публика, никогда не забудется оно въ стѣнахъ университетовъ. Профессора съ благодарностью будутъ вспоминать Сергѣя Михайловича Соловьева, они будутъ указывать студентамъ на великаго труженика, на завѣтъ, оставленный намъ его свѣтлой личностью: способствовать прогрессу, любить правду, стремиться къ добру и къ истинѣ.

Непосильный трудъ сломилъ крѣпкую натуру Соловьева, не позволилъ ему дожить до 60 лѣтъ. Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ скончался отъ слѣдствій общаго истощенія (болѣзни печени и сердца) 4 октября 1879 года; прахъ его покоится на кладбищѣ Московскаго Дѣвичьяго Монастыря.

SPRI

